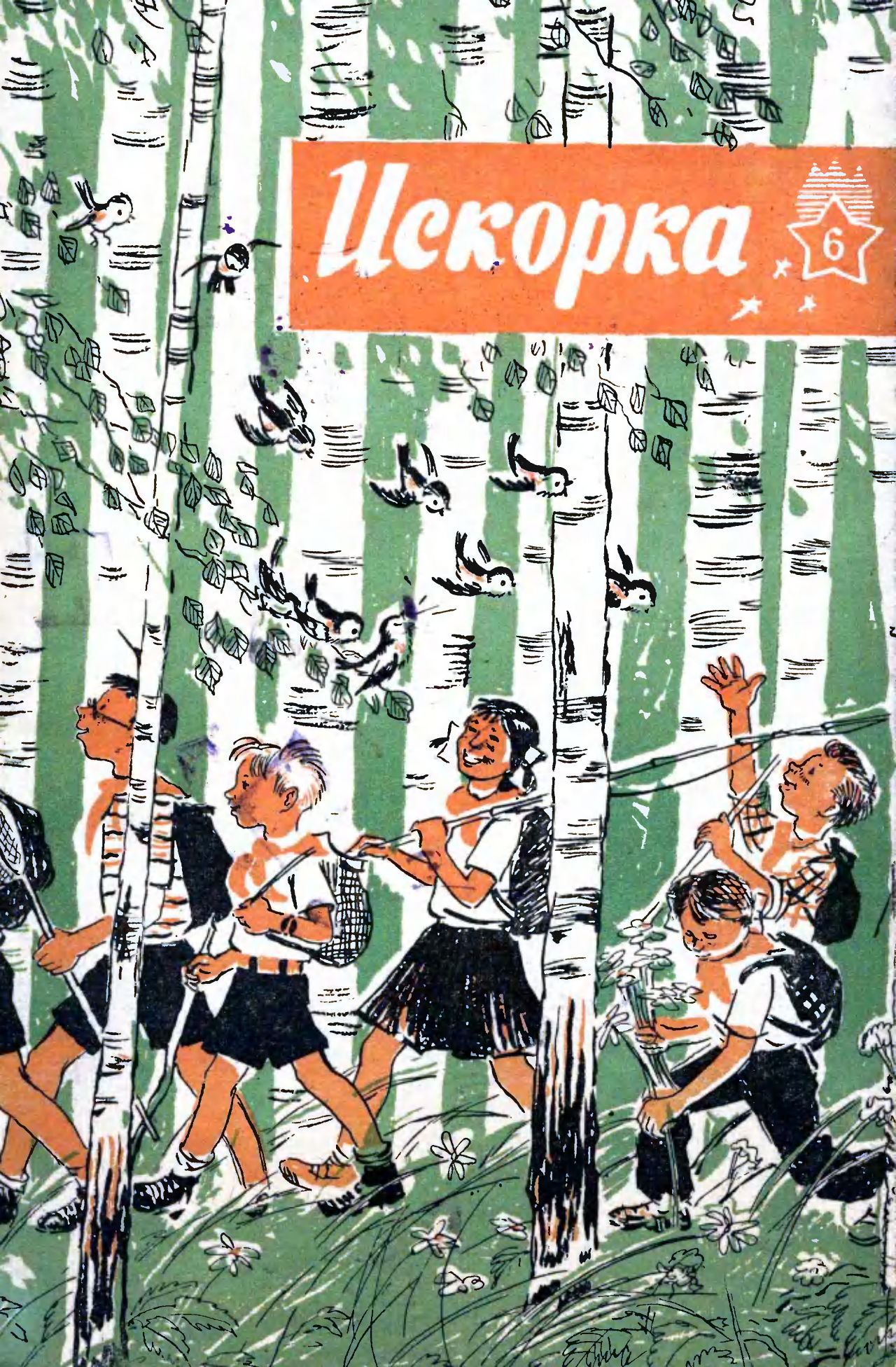
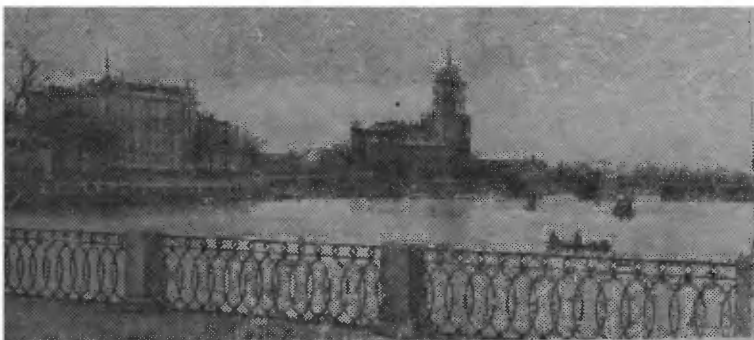

Цесорка

6

Город щедрых людей

(Смотри подпись на 5-й странице).

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

К борьбе за дело Коммунистической партии будь готов!

Год издания V

№ 6

Июнь 1961 г.

Ежемесячное приложение к газете
пионеров и школьников
«Ленинские искры» — орган
Ленинградского Обкома и Горкома ВЛКСМ,
Ленинградского Совета пионерской
организации имени В. И. Ленина

Ради жизни

ДВАДЦАТЬ лет минуло с того июня, когда наша мирная страна была разбужена среди ночи гулом артиллерийских снарядов, грохотом рвущихся фугасов. Гитлеровская Германия обрушила на наши города и сёла свою чудовищную военную машину.

Мы и тогда всей душой любили мир и ненавидели войну. Мы и тогда стремились создавать, а не разрушать. Но осатанелый враг напал, чтобы отнять у нас самое дорогое — свободу, завоеванную в Октябре 1917 года под водительством великого Ленина. Чтобы нас, вольнолюбивых и гордых, обратить в рабов.

И тогда по зову Коммунистической партии на защиту Отчизны встал советский народ. Каждый способный носить оружие получил в руки оружие. А место его у пылающего мартена, у станка, за штурвалом трактора заняла жена или сестра, сын или дочь, подмостившие ящики, чтобы дотянуться до станка, рассчитанного на взрослого мужчину.

Долгих четыре года не умолкал гул военного урагана. Там, где следовало работать пахарю, «работал» артиллерийский снаряд, смертоносная авиационная бомба. Дыбила, дрожала земля под гусеницами танков, изрытая траншеями, густо засеянная свинцом, обильно политая кровью её защитников.

Советский поэт Александр Твардовский писал:

*...Бой идёт святой и правый.
Смертный бой не ради славы,
Ради жизни на земле.*

Ради жизни! Сегодня над вами голубеет высокое небо, светит солнце, поют птицы. Вы живёте в лагере, бродите по лесам, нежитесь на золотом песке пляжей, плаваете в прохладной воде рек и озёр. Об этом же, о мирной жизни, полной достатка и радости, мечтал и советский броневойщик, целясь из длинноствольного ружья по вражескому танку, и пилот, выводя свою краснозвёздную боевую машину на таранный удар, и разведчик, идя в неприятельский стан и каждую секунду рискуя жизнью...

Минуло двадцать лет. Где шли бои, теперь шумят густые зелены, обещая обильный урожай хлебов. Где роши были скошены снарядами, поднялись новые роши. Отстроились, стали краше прежнего наши города и деревни.

Но мы не забыли войну. До сих пор матери оплакивают погибших сыновей и дочерей. Им бы жить и жить, вместе с нами растить урожаи на целине, возводить новые города, вместе с нами радоваться успехам любимой Родины, пославшей первого человека в космос.

Дорогой ценой мы завоевали мир. И мы его бережём пуще глаза. На всех континентах земного шара люди знают, что в авангарде борьбы за мир во всем мире идёт наша великая страна, руководимая Коммунистической партией.

Русский камень

Р А С С К А З

ПРОСЕКА сильно заросла. Повсюду вытянулся быстрый ольховник, появились островки сосен и ёлочек. Канава оползла, вода стояла в ней, должно быть, целое лето, она была затхлая и почти чёрного цвета.

Под сапогами немца чвакала торфяная разжижённая земля.

Фёдор погружал босые ноги в мягкую грязь бесшумно, стараясь не разбить о кочки и пни. Руки его устали, он почти опустил их.

Время от времени немец бросал вполголоса:

— Помалю, помалю...

Фёдор шёл ровным шагом, всматриваясь в узкую светлую улочку-просеку, теснимую с боков старым, почерневшим лесом. Могучие деревья глухо шумели. Местами ветви их смыкались над тропой. Фёдор видел, что немец перетрусил, как только они оказались в этих местах. Он перестал что-то лаять и теперь тихо говорил:

— Помалю, помалю...

Наверное, больше ничего сказать не мог.

«А лесок-то уцелел... — удивлённо вглядывался в деревья Фёдор. — Недалеко отсюда от берёз обломыши торчат. А тут хоть бы какую

осиночку снаряд тронул. Всё целёхонько». Душа его оттаивала. Он как-то весь вдруг обмяк, пропало то злое напряжение, которое пружинило его, когда шли по шоссе.

Вели его, как понимал Фёдор, в штаб. Там допросят и, может быть, вздёрнут на какой-нибудь рогатой сосне.

«На помощь нечего было и рассчитывать. Семеро его товарищей уходили сейчас, путая следы, в сторону Мги. Впрочем, отряд был теперь, пожалуй, в безопасности. Для того Фёдора и отделили, чтоб врага с толку сбить. Ему приказано идти в другую сторону, к своему родному лесничеству в Берёзовку. Фёдор бежал шумно, увёл за собой погоню, надеялся оторваться от неё в болотах. Ему все тропы знакомы. Сколько хаживал с дедом-лесником в обходы.

Обидно было, что нечаянно попался...

Незаметно просека начала спускаться. Ноги глубже увязали в чёрной, как дёготь, земле. Мхи вконец одолели траву. Чаше встречалась высокая, шуршащая на ветру болотная осока. Шли местом, которое называлось Гнилые Дубки.

Немец тяжело дышал.

— Хальт! — вдруг приказал он,

Фёдор остановился. Солдат упёр приклад винтовки в кочку и мутно смотрел вперёд. Потом перевёл взгляд на Фёдора, спросил:

— Флюс... Во ист флюс?

— Чёрт те знает, что ты болтаешь. Какой флюс?..

Немец стал объяснять.

— Река?.. Так бы и говорил, — сплюнул Фёдор и нехотя махнул рукой: — Там: Далеко ещё!

Немец приказал идти.

Фёдор понимал, что на левом берегу речки и кончится путь. Там и есть ихний штаб.

Мысль о побеге пришла ещё в ту минуту, когда они свернули с шоссе и остались вдвоём. Никак не думал Фёдор, что конвоировать его поручат этому долговязому солдату. Он и по лесу-то ходить не умеет. Теперь Фёдор только и ждал

момента, чтоб вырвать у солдата винтовку.

Им обоим было лет по девятнадцати. Немец длинный, щуплый. Фёдор коренастый, не по годам плечист.

— Помалю. Помалю... — твердил солдат, едва поспевая за Фёдором. Он боялся его, не позволял приблизиться к себе ни на шаг. Тотчас угрожающе вскидывал винтовку, клал палец на спусковой крючок.

— Ну, погоди... Вот дойдём до семьдесят первой деляны, ты у меня штаны обмоchiшь... — ворчал Фёдор.

Конвойный был мокр от пота, на горбатом носу висела капля.

Вдали показался серый столбик. Фёдор обрадовался. Граница квадратов. Гнилые Дубки кончались.

«Ну... сейчас...» — Фёдор дышал взволнованно. Лес заметно редел. Отступили сосны и ели. Пошла ольха, осинник.

Метр за метром приближались к голому осиннику. Сколько раз пугал здесь Фёдор мальчишек, попадавших сюда впервые. Сколько приезжих грибников, бывало, шутя заставлял он вздрогнуть, когда вёл в места, богатые белым и красным грибом. А теперь его самого вели.

Фёдор потянулся, расправил плечи, мельком глянул на конвойного. Немец увязал в зыбком грунте.

— Вон, глянь! — вдруг крикнул Фёдор. — Партизан!.. — И тотчас пригнулся, точно в него кто-то целился с

той стороны, куда он указывал.

Солдат вскинул голову и сразу плюхнулся в грязь, выставив перед собой винтовку.

Попятившись, Фёдор тоже упал и оказался возле солдата. Тот дрожал от страха.

— Сидит, вишь... — прошептал Фёдор, указывая на осинник.

Немец прицелился и выстрелил. Отдалось эхо.

Однако тот, который сидел в осиннике и в которого немец выстрелил, даже не шевельнулся. Он притаился под деревьями, накрылся плащом. Было похоже, что за плечами у него мешок. Из-под плаща мешок торчал горбом...

Вот также и с Фёдором было лет десять назад. «Ишь, гляди, кто-то свернул с дороги, подкарауливает нас!» — испуганно прошептал дед. Ох и перетрусил тогда Фёдор! А дед смеялся!.. Как мальчишка...

Немец выстрелил второй раз.

— А ты храбрый, как я полагаю... А ну, дай-ка сюда! — Фёдор вскочил, рванул винтовку. — А теперь хенде хох! Понял? Ну?.. Вверх руки подыми!..

Трясущийся немец поднялся, держа руки высоко над головой. Рукава френча съехали вниз. Руки были тонкие, с синими прожилками.

Зачвакала под ногами немца разжижённая земля.

Фёдор беззлобно заговорил:

— Нас, здешних, не зря моховиками прозывают. Ты вот ~~то~~нешь, а мне хоть бы хны. Кочку ногой ловить надо. По-нял, гусь ты сухопутный?..

Подходя к осиннику, Фёдор с уважением посмотрел на большой конусообразный, с горбом, камень. Камень оброс скудным беловатым мхом, один бок его потемнел от мороси дождя.

— Сидишь, старина?—спросил Фёдор. — Эх, шутник ты! Опять человека насмерть ис-

пугал. Ну-ну... Спасибо. Век буду за тебя бога молить. Выручил.

Немец отупело глядел на камень.

Направо отходила стёжка. Сейчас только Фёдор знал, куда она ведёт, эта лосиная стёжка. Вильнув стволом винтовки, он приказал немцу свернуть направо. На бледном лице солдата пылали крупные красные пятна. Он всё ещё оглядывался на камень, будто не верил своим глазам,

Город щедрых людей

*(Подписи к фотоснимкам на 2-й странице обложки.
Смотри очерк «Город щедрых людей» на 37. странице.)*

На снимках слева (сверху вниз): город Выборг. Вид на старинную крепость. Пионеры 14-й школы Выборга и их шефы — моряки. Снимок сделан после торжественной линейки, посвященной дню рождения пионерской организации имени В. И. Ленина. Ученики Выборгской школы-интерната № 1 на стройке жилого дома.

На снимках справа (сверху вниз): преподавательница детской музыкальной школы А. А. Хрущёва и её ученики Александр Корегин и Валерий Козлов готовятся к лекции-концерту. Садовод-мичуринец Освальд Эдуардович Вильман.

Фото Г. Сафонова

Борис Раевский

Рисунки Л. Павловой

Ленинградка

К АЖДЫЙ раз, когда в 74-й школе проходит торжественная линейка, вожатая перед строем ребят вызывает:

— Нина Куковерова!

Тишина становится ещё более чуткой, замирает линейка. И слышатся негромкие, строгие слова:

— Пала смертью храбрых за нашу Советскую Родину!

На миг в зале становится ещё тише. Все словно видят эту маленькую черноволосую девочку, чей портрет в траурной кайме висит в пионерской комнате.

Вожатая уже говорит о чём-то другом, а в зале всё ещё, кажется, звучат скорбные слова:

— Пала смертью храбрых...

В КОРОТКОЙ ветхой шубейке и платке, повязанном глухо, по-деревенски, с залатанной холщовой торбой через плечо в сумерки возвратилась Нина в занесённую снегом лесную землянку.

В торбе стукались друг о друга чёрствые куски хлеба, несколько промерзших карто-

фелин, две ссохшиеся свёклы.

Нина устало сняла торбу, бросила на скамью, — торба грохнула, будто в ней лежали камни.

Много бездомных голодных мальчишек и девчонок бродило в те тяжёлые времена по большакам и просёлкам из деревни в деревню, стучали в хмурые, тёмные окна изб, выпрашивая горсточку пшена,

корку хлеба. И Нина, чтобы не привлекать внимания немцев и полицаев, делала, как все.

В партизанской землянке её встретила подруга Катя:

— Ну, как?

— Потом, — устало пробормотала Нина.

В землянке было тепло, иззябшую голодную Нину сразу разморило. Очень хотелось есть, но ещё больше спать. Трое суток скиталась по дорогам.

— Потом, — повторила Нина, легла на широкую скамью возле стены, с головой накрылась шубейкой и сразу заснула, словно провалилась куда-то глубоко-глубоко.

В землянку входили, выходили, говорили, — Нина ничего не слышала. Снилось ей, как она впервые увидела партизан.

Это случилось давно, в самом начале войны.

Вот Нина видит маленькую деревушку. Колодец с длинным воткнутым в небо шестом — журавлём посреди тихой улицы. Нина сразу узнаёт — это же Нечеперт!

Мать всегда на лето выводила сюда из Ленинграда всех троих детей — Нину и её младших братишку и сестрёнку. Пусть досыта надышатся медвяным деревенским воздухом, поваляются на травке, до горлышек нальются тёплым парным молоком.

И вдруг — война...

Нина видит: деревня словно замерла, притаилась. Вот в сумерки приходит бабка Улья-

на. Шамкая и крестясь, тревожно шепчет: немцы уже где-то рядом. Уже занята станция Шапки. Внучка уже видела серо-зеленые шинели в соседнем селе...

Нина беспокойно ворочается во сне... Шум, треск... Цепочка, немецких мотоциклистов ворвалась в деревню. С грохотом промчались машины мимо молчащих, словно вымерших изб. Сквозь щель в задёрнутом окошке Нина видела: возле школы немцы остановились, посовещались. Один из них вошёл в пустую школу, вскоре вернулся, и все, стрекоча моторами, подымая пыль, понеслись дальше.

В деревне мотоциклисты не задержались. Толкнулись в несколько изб, подстрелили двух суматошных куриц и, оставив после себя лишь едкую струю бензиновой гари, умчались так же внезапно, как и появились.

А когда стемнело, в избу, где жила Нина, осторожно постучали.

Вошли трое. Во сне Нина и сейчас живо видела их. Первый был высокий, под самый потолок, в сапогах и выгоревшем пиджаке. Пиджак был ему маловат: казалось, наклонись — треснет в плечах. И руки с большими, широкими, как лопаты, ладонями далеко вылезали из рукавов.

Двое других были помельче и помоложе и не прошли в избу, а остановились у двери, привалившись к косяку.

Первый — его звали Тимофей — обвёл Александру Сте-

пановну и детей изучающим, внимательным взглядом и негромко, властно, так, словно он здесь был хозяином, а не пришельцем, спросил:

— Куковеровы? Ленинградцы?

Александра Степановна — мать Нины — торопливо объяснила: муж на фронте, а они вот — застряли в деревне.

— Да, знаю, — огромный Тимофей, шагая удивительно легко, неслышно подошёл к окну, поверх занавески долго вглядывался во тьму. Вернулся к столу, сел, выложив на клеёнку, словно напоказ, свои большие красные руки.

— Выйдите, — кивнул детям.

Олёшка и Валя вышли в сени. Нина осталась: ей было четырнадцать лет, и она считала себя уже большой.

— Нам нужен хлеб, — сказал Тимофей негромко и остановился, словно ждал, как примет Александра Степановна его слова.

Она молчала. Молчала и Нина. Тимофей не сказал, кому — «нам», но и так было понятно...

Тимофей коротко объяснил: негде печь хлеб. Пусть Александра Степановна подсобит. Мать кивнула. Быстро договорились: как украдкой доставлять муку, когда удобнее забирать испечённые караваи.

Тимофей встал, шагнул к двери. Но вдруг остановился. Спокойно и неторопливо, как всё делал, оглядел Нину, позвал к себе. Спросил, как зовут, в каком классе. Пионерка? А немецкий знает?

Нина отвечала, чуть подумав перед каждой фразой.

Это, видимо, особенно понравилось партизану: «Серьёзная. Хоть и маленькая, а серьёзная...»

Тимофей не знал, что Нина заикалась. С малых лет работала у неё привычка: прежде чем сказать что-то, сосредоточься, сперва мысленно произнеси ответ и только потом уже вслух. Тогда звуки не цеплялись, не застревали. В школе учителя, прежде чем вызвать Нину к доске, говорили: «Куковерова, приготовься!» И спрашивали другого. А пока Нина внутренне «собиралась», сосредоточивалась,

как перед прыжком. Это ей помогало преодолевать заикание.

— Ваш дом — крайний в деревне. Так? — сказал Нине Тимофей.

Девочка кивнула. Она вообще предпочитала, когда можно, обходиться без слов.

— Издалека виден, — продолжал Тимофей.

Нина снова кивнула, хотя не понимала, куда он клонит.

А дом их крайний, на холме, и виден из-за реки и из лесочка. Это верно. Бывало, далеко уйдёт Нина с ребятами по ягоды, по грибы, а нет-нет и мелькнёт вдаль их красная крыша с облупленной трубой.

— Поручение тебе, — сказал Тимофей и положил свою огромную руку ей на плечо. Нина была худенькой, и плечо утонуло у него в ладони. — Когда немцы в деревне — вывешивай бельишко на плетень. Ну, будто стирала. Полотенца там, наволочки... Понятно?

Чего ж тут не понять?! Сигнал! Бельё будет служить сигналом партизанам. Висит бельё — «Стой! Не входи! В деревне немцы!» Нет белья — «Пожалуйста, рады гостям!»

— Смотри, — строго сказал Тимофей, — не подведи!

— Не подведу! — твёрдо пообещала Нина.

С тех пор, как только в деревне появлялись немцы, Нина хватала старенькую скатерть, совала её в бак с водой и вывешивала, мокрую, на плетень, там, где он был обращён к лесу, к реке. Нина не знала, где скрываются партизаны, но решила — в лесу...

...И сейчас, лёжа в землянке на широкой жёсткой скамье, Нина видела во сне, как Тимофей подходит к ней, кладёт тяжёлую руку на плечо и говорит: «Молодцом!»

...Спала Нина долго. Часа три. Ворочалась, что-то бормотала, вскрикивала. Ей снилось, что немцы подстерегли её, схватили. Она дёрнулась, пыталась вырваться...

— Нина, да Нина, проснись же...

Нина с трудом разлепила склеенные веки. Перед нею стояла Катя, осторожно, но настойчиво трясла за плечо:

— Вставай. Батов зовёт.

Нина сразу вскочила. Батов — командир отряда. Значит, что-то важное...

Быстро сполоснула измятое лицо, пригладила волосы.

В командирской землянке было тихо-тихо. Батов один сидел у грубо сколоченного стола.

— Ну, дочка, — сказал он, — рассказывай...

Нина проглотила комок в горле. У неё всегда слёзы подступали, когда Батов называл «дочкой». Отец Нины недавно погиб на фронте. И ни мать, ни Нина даже не знали, где могила солдата-артиллериста Куковерова. Да и есть ли она — могила?

Никогда уже отец не назовет её дочкой. Никогда не споёт вместе с Ниной о том, как крутится, вертится шар голубой и как в степи глухой замерзает ямщик. А Батов, как нарочно, очень похож на отца. Тоже невысокий, коренастый,

простой. Впервые придя в отряд, Нина даже удивилась. Нет, не таким представляла она себе боевого партизанского командира. Ни кожанки, ни револьвера на боку, ни папачки, ни патронных лент на груди. Обычная сатиновая косоворотка, даже не сапоги, а ботинки с калошами, и залысина надо лбом. Худощавое лицо, усталые глаза. Таким вот приходил отец с фабрики после смены.

...Нина подробно рассказала Батову, где она побывала за эти трое суток, что видела, сколько комсомольцев в деревнях, что они предпринимают. Сказала, что две девушки просились в партизаны.

— Сводки Совинформбюро рассказывала? — спросил Батов, делая краткие пометки в блокноте.

— Везде, — сказала Нина. — В каждой деревне. Рассказывала, как дела на фронтах...

— Так, — Батов встал, сделал несколько шагов по тесной землянке. Внимательно, словно первый раз видел, оглядел Нину.

Волосы чёрные-чёрные, иссиня-чёрные, гладкие и блестят, будто полированные. И сама смуглая, и глаза чёрные. Галка.

«Приметная», — покачал головой Батов.

Для разведчицы это ни к чему. Чем незаметнее, обычно — тем лучше.

«Может, кого другого послать? — подумал он. — Нет,

смелая девчушка и толковая...»

— У меня к тебе дело, дочка, — сказал он. — Трудное дело...

Задание было и впрямь нелегким. Батову стало известно, что неподалёку, в деревне Горы, расположился на отдых немецкий карательный отряд. Сильный отряд. Прислан, чтобы разгромить окрестных партизан, раз навсегда покончить с ними.

— Понимаешь, Нина, — Батов в упор посмотрел девочке в глаза, — необходимо точно

узнать, где у них пулемёты, орудия, сколько солдат, в каких избах офицеры.

Нина кивнула.

— Это очень важно, — продолжал Батов. — Тогда одним внезапным встречным ударом мы уничтожим их пулемёты, офицеров, посеём панику...

Нина снова кивнула.

— Вечером или ночью подобраться к Горам нетрудно, — задумчиво продолжал Батов. — Одна только беда: немного и увидишь-то в потёмках... А днём — днём рискованно...

Нина на секунду представила себе тёмную ночную деревню, редкие блики света на снегу, одинокие фигуры часовых. Нет, ночью толком ничего не выяснишь...

— Пойду утром, — сказала она. — Завтра утром.

...Чуть свет Нина надела свою потрёпанную шубейку, крест-накрест повязала старенький платок, перекинула

через плечо холщовую торбу и зашагала.

До Гор было километров пятнадцать. Нина шла и шла. Шла и думала, насторожённо посматривая по сторонам.

Утоптанная, побуревшая от колёс и полозьев просёлочная дорога тянулась вдоль замётённых сугробами полей. Умоста Нина свернула, пошла еле приметной в снегу тропкой. Так короче. И встречных меньше...

Чего только не передумаешь, шагая одна по огромной, пустынной снежной равнине!..

Опять вспомнился отец. Вот они вдвоём на катке. Нина ещё совсем маленькая, коньки разъезжаются, она больно шлёпается...

«Не трусь, Нинок!» — хохочет отец.

И Нина поднимается и, не показывая, что больно стукнулась коленом, опять шагает по ужасно скользкому льду...

А что сейчас делает мама? Спит ещё? Нет, наверно, встала спозаранку, хлопочет. Надо ведь добыть еду. Олёшка и Валя — маленькие, а едят — ого, как большие! А где достать хлеб, картошку, когда немцы всё вокруг подчистили?

Как плакала мама, когда Нина уходила к партизанам! Мама — она и есть мама. Страшно ей было расставаться с дочкой. Плакала, увещевала:

«Нина! Ты у нас за старшую. Помнишь, отец наказывал, когда ты в медсёстры просилась: рано тебе, дочка, вое-

вать. Помогай матери, следи за малышами».

«Да, мама, всё помню, — насупившись, отвечала Нина. — Но, мама, ты хочешь вернуться в Ленинград? А его защищать надо! Всем защищать».

...Идёт и идёт Нина по заснеженной тропке. Узкая дорожка вильнула, ушла в лесок. И Нина зашагала меж редких молодых, покрытых хлопьями снега берёзок и осин.

«Побегать бы тут на лыжах! По горушкам», — подумала Нина и засмеялась, — таким нелепым показалось ей это внезапное желание.

До лыж ли теперь?! Нине даже трудно представить себе, что когда-то, всего года два назад, она любила с криками, шутками бегать наперегонки с мальчишками по скользкой, будто навощённой лыжне. А кажется — это было так давно! И было ли?..

...Вскоре тропка опять выбилась на просёлок. Выйдя на широкую дорогу, Нина постояла, оглядываясь. Вон вдали какая-то фигура. Приближается. С палкой. На голове — малахай. Заячий малахай с длинными ушами. Такую шапку тут поблизости только Федот-полицай носит. Неужели он?

Нина быстро скользнула обратно в лесок, затаилась в кустарнике.

Да, это Федот. Вредный мужик. Пьянчуга. Два его брата в армии фашистов быют. А он к немцам переметнулся. Вот гадина!

«Вовремя схоронилась», —

подумала Нина, из кустов следя за проходящим мимо полицаем.

Этого Федота она знала. И он её знал. Очень хорошо знал.

Много пришлось кочевать Куковеровым в начале войны. Из деревни Нечеперьть немцы перегнали их в лагерь под Гатчиной. Потом погрузили в эшелон и снова повезли. Поселились они в деревне Улитино. И вот там, в Улитине, решила Нина с хозяйкиной дочкой Раяй потолковать по душам с этим полицаем Федотом, усювестить его. Рая особенно рвалась: ведь Федот был её дальним родичем. Перед людьми стыдно.

«Он трус! — сказала Рая. — Попробуем?»

И Нина решила — рискнём!

И вот однажды девочки вечером пришли к Федоту. Стыдили его, стыдили, а потом напрямик говорят:

«Хочешь свой грех* смыть? Переходи на сторону партизан!»

Бывший, как всегда, «подмухой», полицай сперва удивился, потом рассвирепел:

«Пигалицы — и такие речи?! А что ежели сгребу в охапку и в комендатуру? А?»

Рая побледнела. Неужто в самом деле выдаст немцам? Но Нина не растерялась. В упор глядя своими чёрными, глубокими глазами на Федота, она глухо сказала:

«Попробуй! Мы партизан предупредили, что к тебе идём. Пропадём — отомстят. Ой, пожалеешь!»

И Федот, у которого хмель быстро испарился, призадумался. Больно уж нагло ведут себя девочки. Может, и впрямь партизаны их подослали?! Уж кто-кто, а Федот отлично знал, что во всех окрестных лесах действуют партизаны.

«Ну валите отсель, пигалицы! — скомандовал он. — И чтоб больше я духу вашего...» Девочки ушли.

«Выдаст! Обязательно выдаст!» — на обратном пути со слезами шептала Рая.

«Побойтись!» — успокаивала её Нина, хотя и сама была вовсе не уверена в этом.

Прошло несколько дней, а немцы их не трогали.

«Так и есть! Струсил!» — решила Нина.

И пришла ей дерзкая мысль — снова сходить к Федоту. Авось он теперь согласится. Вот бы здорово! Тогда б партизаны узнавали от полицай все секретные приказы немцев.

Уговорила Рая, и девочки снова пришли к Федоту. Тот прямо обомлел от их дерзости. Даже побагровел.

«Уходите! — зарычал. — Пока целы. Вот-те крест, не уйдёте — сволоку к коменданту!»

Так и не поддался на уговоры. Но и выдать подружек побоялся. С тех пор Нина старалась не встречаться с ним...

...Схоронившись в кустах, она подождала, пока Федот-полицай прошёл мимо, и двинулась дальше.

Километров десять уже отшагала. Надо бы отдохнуть. Присела возле дороги на тор-

чаший из сугроба заиндевелый валун, достала из торбы чёрный сухарь, похрустела им.

«А в Ленинграде, говорят, сухаря не сыщешь. Клей едят, старые ботинки жуют...

Нина зябко повела плечами. Редкий день не вспоминала она Ленинград, свою любимую Петроградскую сторону, улицу Воскова, где она росла. Мысленно опять видела сверкающие проспекты, огромные нарядные магазины, театры. И хотя знала Нина, что в Ленинграде сейчас голод, пожары, развалины — никак не могла себе представить этого.

Неужели вместо «Гастронома» на углу — груды кирпичей? Неужели забит досками вход в кино «Молния»? Неужели сгорела её школа? И торчат только чёрные обугленные остатки стен?

...Но долго на камне не посидишь — зябко. Нина пошла дальше. Вскоре увидела: навстречу идут два немецких солдата.

Нина изо всех сил старалась не убыстрять и не замедлять шаги.

«Главное — выдержка», — учил Батов.

Приблизилась к немцам, хотела пройти мимо, но один из солдат остановил её.

— Куда гейст ду, медхен?

Нина объяснила, как делала уже не раз: идёт к тётке. Местность Нина знала хорошо: назвала деревню, неподалёку от Гор.

Говорить Нина старалась поменьше.

«А то ещё начну заикаться. Подумает — от страха...»

Солдат сказал:

— Гут. Ходи свои тётка.

Нина пошла дальше:

Вскоре показались Горы. Деревня стояла на холме, окружённая редким леском. Избы извилистой цепочкой сбегали вниз, с холма до замёрзшей, заметённой снегом реки.

Когда до деревни было уже совсем близко, Нина притаилась в кустарнике. Стала наблюдать...

Вот возле одного дома, стоящего на самой вершине, — часовой. Сюда то и дело подходят офицеры с солдатами. Солдаты остаются на улице, офицеры входят, выходят, что-то приказывают солдатам. Возле дома — автомашина и два мотоцикла.

«Пожалуй, штаб, — думает Нина. — И место фрицы выбирали удобное. С горки всё — как на ладони...»

Неподалёку от штаба — какой-то большой сарай, возле него тоже часовой. И тоже суетятся люди. Но что в этом сарае — не понять.

Внизу, возле реки, немцев почти не видать. Домишки стоят тихие, без дымков, словно нежилые.

«Так, — подумала Нина. — Значит, центр у них на холме...»

Она пряталась в кустарнике уже долго. Мороз всё настойчивей проникал сквозь ветхую шубейку.

«Обойду деревню, — подумала Нина. — Посмотрю, что там. И согреюсь заодно. А то

на одном месте — зазябну совсем...»

Крадучись, стала продираться сквозь кустарник. Вдруг замерла. Послышался какой-то шорох, урчание. Что бы это? Нина насторожённо прислушивалась.

Рядом вдруг вынырнул пёс. Чёрный, огромный, с налитыми кровью глазами. Язык его — мокрый, красный — вывалился из пасти и свисал, как тряпка.

— Ой, — тихонько вскрикнула Нина.

Всегда она боялась собак. Боялась так, что при встрече с ними у неё всё мертвело внутри. И надо же, именно сейчас — этот чудовищный пёс! Он не лаял, только рычал, и от этого было ещё страшней.

Так они и стояли, долго, неподвижно, девочка и пёс. Собаки чуют, когда их боятся. И этот пёс тоже, наверно, чувствовал, что девочка смертельно напугана.

«Ну, — в душе молила Нина. — Ну, пёсик, не стой же, иди себе, гуляй...»

Но пёс не уходил и, казалось, готов так стоять вечно. Внутри у него по-прежнему урчало,

Собрав всё своё мужество, Нина сделала шаг... Но пёс сразу так ощерился, лязгнув огромными жёлтыми, будто прокуренными, клыками, что девочка тотчас остановилась.

И опять они долго стояли неподвижно.

«Ещё залает, — подумала Нина. — Выдаст...»

Она тихонько сняла торбу, под неотрывным внимательным взглядом пса развязала её. Эх, кусочек бы мяса! Или кость!.. Но в торбе лишь хлебные корки. Нина бросила одну, какая побольше, псу. Он обнюхал, но есть не стал.

«Так, — сказала себе Нина. — Так. Сколько же можно стоять?»

Решила: сосчитаю до пяти и пойду. Медленно стала считать. Но когда прошептала: «пять», пёс вдруг так грозно фыркнул, что Нина замерла.

«Снова», — приказала она себе.

Досчитала до пяти и тут же, чтоб, чего доброго, не передумать, пошла. Сердце у неё колотилось часто и прерывисто. Но она шла.

Пёс неслышно ступал за ней.

«Не оборачивайся, — велела себе Нина. — Пусть он не воображает...»

А оглянуться так хотелось! Может быть, пёс приготовился прыгнуть? Укусить? Но она шла и шла.

«Вон у той берёзы, ладно, оглянись», — решила она.

Дошла до берёзы, осторожно посмотрела через плечо. Нет! Пса нет! Она повернулась всем телом, всё ещё не веря. Неужели?!

Пёс исчез.

Нина повеселела. Быстро зашагала. Только сейчас почувствовала, как замёрзла. Тайком, где прячась в кустах, где перебегая от дерева к дереву, обошла вокруг Гор. К сожалению, больше ничего важного не обнаружила.

«Маловато. Придётся зайти в деревню. Остановят? Ну и что? Побираюсь — и весь сказ. Зато всё-таки высмотрю».

Вышла на дорогу, не торопясь прошла мимо часового. Он поглядел на девочку, но ничего не сказал.

Медленно брела Нина по деревне. Краешками глаз всё за-

мечала. Ого! Вот у штаба — миномёт. Она раньше не видела его. А вот в этом доме под железной крышей, наверно, живут офицеры. Вон, трое их вошло. Оттуда доносится вкусный запах, денщик у крыльца, закатав рукава, щиплет курицу, слышны звуки губной гармошки.

Чтобы задержаться тут, осмотреться, Нина постучалась в соседнюю избу, попросила хлеба. А сама всё глядела на дом с железной крышей.

Хозяйка — сердитая старуха — сунула ей картофелину.

И тут у Нины мелькнула хитрая мысль.

— Бабушка, — жалобно сказала Нина. — Пусти чуток погреться. Совсем зазябла...

— Ладно уж, — не слишком приветливо отозвалась старуха.

Нина шагнула в избу. Сразу обдало теплом и запахом щей. Постояла у печи, потом прошла к окошку.

Вот это НП! Наблюдательный пункт, — другого такого не сыщешь! Слева через дорогу — штаб. Да, теперь Нина уже не сомневалась — это штаб. Вон вылез из машины и по-хозяйски неторопливо прошёл внутрь высокий, костлявый офицер в шинели с меховым воротником. Часовой сразу вытянулся. Видно, важная птица.

Вот на полном газу подлетел к крыльцу мотоциклист и, показав пакет часовому, чуть не бегом вскочил в дом.

А это что? Прямо напротив — тот большой сарай, ко-

торый Нина видела из кустарника. И тоже часовой. К сараю подъехал грузовик. Солдаты что-то сгружают. Но что — Нине не разобрать.

— Чегой-то всё коло оконца трёшься? — прошамкала, входя из сеней, старуха. — У печи-то теплей...

Пришлось отойти от окна. Но едва старуха вышла из комнаты, девочка снова бросилась к своему НП. Солдаты всё еще разгружают машину. Ого! Да это снаряды! Честное слово, снаряды. А вот и оружие — из-за угла сарая торчит короткий ствол.

«Так, — обрадовалась Нина. — Значит, тут у них вроде бы арсенал!»

Она продолжала внимательно оглядывать улицу. А это что? Под навесом, где раньше был колхозный гараж, стояли две металлические бочки. И около них — тоже часовой.

«Горячее, — догадалась Нина. — Как хорошо, что я зашла в дом. А теперь — быстрее обратно!»

Она поблагодарила сердитую старуху, — та лишь рукой махнула, — и, стараясь не спешить, зашагала вниз под гору. По дороге считала, сколько встречается солдат.

Остановили её лишь раз. Снова соврала про тётку. Отпустили.

Дойдя до реки, Нина повернула и покинула деревню. Теперь быстрее! Быстрее к Батову!..

...Под вечер она уже была в партизанском отряде Батов

расспрашивал подробно, до тошно. Потирал подбородок и повторял:

— Умница, дочка!

Когда Нина сказала, что рискнула войти в деревню, Батов неодобрительно крякнул, но, услышав про снаряды и бочки с бензином, повеселел.

Обо всём рассказала Нина, только о встрече с чёрным псом умолчала. Ещё засмеёт Батов: разведчица, а собак боится!

...Ночью Нину разбудили. В темноте бесшумно собирался отряд. Шли пешими. Только двое саней — на них пулемёты.

Когда до Гор оставалось всего с километр, Батов подозвал двух своих помощников, коротко шёпотом повторил распоряжения. Отряд распался на три группы. Нине Батов велел быть возле него.

...Леском они добрались к самой вершине холма. Залегли. Было тихо. Темно. Только на холме, в деревне, светились окна в одном доме.

— Штаб, — шепнула Нина, Батов кивнул.

В тишине прошло ещё несколько минут.

«Чего он ждёт? — беспокоилась девочка. — А вдруг собаки залают?»

Батов по-прежнему недвижимо лежал на снегу. Возле с пулемётом приткнулся Степан. Где-то рядом, невидимые в темноте, схоронились бойцы. И вдруг!..

Вдруг раздался взрыв, и разом полыхнуло пламя. В ночи

оно казалось особенно ярким. Высокие огненные языки метались по ветру, как огромный коптящий факел. Сразу стало светло.

«Бочки... Бензин...» — мелькнуло у Нины.

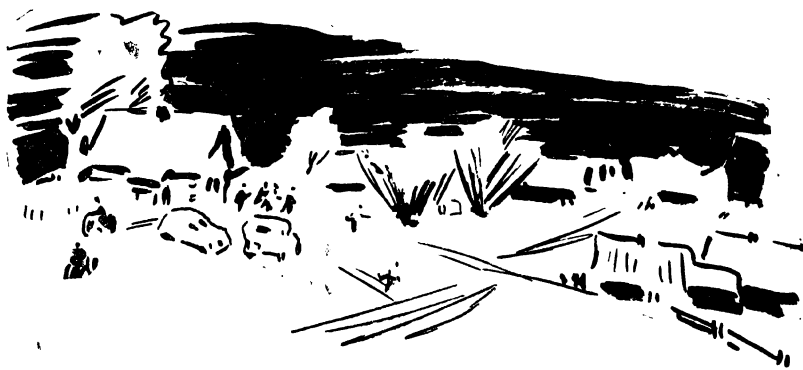
И тотчас грохнули разрывы

гранат. Рядом с Ниной натужно залился пулемёт.

Что началось в деревне! Немцы, полуодетые, выскакивали из домов. Суется, бежали куда-то и тотчас падали, срезанные пулемётными струями. Из дома с железной крышей выбежало несколько офицеров, они что-то кричали, били из автоматов наугад, в темноту. И тоже падали.

Вспыхнул штаб. Вся вершина холма теперь была как на ладони. Нина видела — трое

немцев бросились к миномёту. Но тотчас по ним полоснул пулемёт...

— Так, так! — возбуждённо шептала Нина. — Это вам за отца! За Ленинград! За отца! За мою школу!

— Лежи! — крикнул ей Батов и вскочил на ноги: — За мной!

Партизаны бросились к деревне.

Приподнявшись на колено, Нина смотрела: бой шёл уже на улице. Становилось всё тише, лишь изредка щёлкали выстрелы.

Только в одной избе ещё держалась последняя горсточка немцев. Они яростно отбивались. Но партизаны всё тесней окружали эту избу. Нина видела: один из партизан подполз к плетню, швырнул гранату и тотчас — вторую... Грохнули взрывы. Изба сразу замолчала...

— За отца! За Ленинград! — шёпотом повторила Нина.

ХОТЕЛОСЬ бы мне на этом кончить рассказ о славной разведчице, ленинградской пионерке Нине Куковой.

Хотелось бы сказать, что сейчас Нина выросла, живёт в своём родном Ленинграде, работает.

Но нет! Не дожила Нина до победы. Много боевых дел совершила она. Но однажды ушла в разведку и не вернулась. Предатель выдал её врагам. Пытали Нину фашисты. Хотели узнать, где партизаны, сколько их, кто командир. Ни слова не сказала Нина...

И на памятнике пионерам-героям, который вскоре будет установлен в Ленинграде, среди других имен высекут на камне и её имя, имя маленькой, худенькой, но стойкой духом ленинградской девочки.

Цветёт сирень в Торковичах

В ТУ осень, на диво тёплую, зацвела сирень в Торковичах. Встретив Анну Петровну на дороге с душистой веткой в руке, соседка испуганно погрозила пальцем:

— Брось цветок-то, Нюра... Не к добру он, когда зацветает дважды...

Анна Петровна печально усмехнулась. Не к добру... О каком «добре» речь, если сейчас война, и фашисты топчут торковичские сады, и в школе, где столько лет проработала она старшей пионервожатой, жуют сено лошади немецкой полевой жандармерии...

Было уже темно, когда, спустившись к берегу Оредежа, услышала тихий свист из кустов. Секретарь подпольного райкома партии Исаков уже ждал её.

— Вот и встретились опять, — сказал он. — Только обстановочка, как говорится, не та.

Она вспомнила, как Иван Иванович вручал ей партийный билет. В яркий полдень, на виду у всех, под шумные аплодисменты. А сейчас за его голову назначена награда...

Словно угадав её невесёлые мысли, он предложил:

— Анна Петровна, мы можем переправить вас на Большую землю. Согласны?

Она упрямо мотнула белокурой головой:

— Не согласна. Буду работать здесь. Выполню всё, что поручите.

— Я так и знал.

Секретарь передал ей задание райкома: надо организовать группу связных для партизанского отряда Александра Бухова, действующего в соседних лесах. Основная задача связных — передавать донесения в отряд и из отряда.

— Другие задания получите от самого Бухова. Помните его, он был третьим секретарём райкома? Теперь он ваш командир... Да ребят подберите, чтобы были духом крепче.

...Ночью, прислушиваясь к сопению спящего сынишки Вовки, она размышляла, кого взять в группу. Чтоб были крепче... А разве не крепки духом её прежние активисты в дружине, теперь ставшие комсомольцами? Парней на селе нет — воюют. Зато девчата остались. И пойдут они на войну, и не дрогнут. Правда, знала их лишь плясуньями да песенницами. На минуту стало страшно: таких выводить на бой...

Утром она отправилась на работу, — вместе с другими женщинами грузила лес. Фашистский унтер, оставив её

бригадиром, ушёл похрапеть в тени. Анна Петровна скомандовала:

— Перекур, соседки!

Женщины всполошились:

— Фриц проснётся, тебе же первой всыплет!

Она гневно сузила глаза:

— Так и будем трепыхаться перед ними? Кончай работу, перерыв!

Улучив минуту, шепнула одной из соседок, Зинаиде Комлевой:

— Пришли вечером дочку, Галинку, — повысиваем вместе, как прежде...

Вечером они и впрямь вышивали, шестеро девушек, собравшихся в маленьком домике Семёновых. Были тут комсомолки Катя Богданова, Тася Яковлева, Лена Нечаева и Сусанна Яковлева. Последней влетела тринадцатилетняя Галинка Комлева, с порога грянула на гитаре «Дунайские волны». Косичка вверх, косичка вниз у девчонки... Анна Петровна неприметно вздохнула:

— Угомонись. Все в сборе? Тогда слушайте...

Получасом спустя они принимали клятву служить верно партизанам. Под Галинкину гитару спели несколько песен — довоенных, пионерских, с которыми когда-то сидели у лагерного костра. Кто-то от полноты чувств всплакнул. Анна Петровна сказала:

— Правильно, теперь давайте все вместе зарыдаем, это партизаны любят.

Тогда они рассмеялись, — были всё-таки девчонками, любившими и сирень, и гитару, и многое другое, что даже врагам было у них не отнять...

Так прошли первые сутки. За ними помчались другие.

...Темень в посёлке: ни зги не видеть.

Осеннее небо, чёрное. Плотнo занавешены окна, замкнуты двери. Тихо. Только прочавкал по грязи ночной патруль — и снова безмолвие. Но вот скрипнула калитка, и выскользнула на дорогу тоненькая фигурка, кутаясь в платок... Ах, если б знали враги, что зашито в том платке, — сорвали бы с плеч, топтали бы простоволосую, беззащитную сапогами... А она бежит, бежит во тьме, спотыкаясь, падая, ошупью угадывая дорогу — туда, к болоту, за которым Чёрный лес, к партизанскому посыльному...

У болота её ждёт человек:

— Галинка? Комлева? Давай бумаги. Не беспокойся, Александру Николаевичу самолично вручу. А это вам. Ну, сама знаешь что — листовки и прочее. Прощай, девонька!

И девонька бежит обратно, с тяжёлой ношей на плече, задыхаясь, торопясь вернуться до света, чтоб не попала та ноша врагам... Недавно в селе Кипено за сводку Советского Информбюро, найденную в кармане, повесили двух парнишек — прямо на глазах у матерей. Но по-прежнему несёт она тяжёлый пакет, уже по улице посёлка, где, кажется, каждый шаг — громче орудийного раската...

Много других дел выполняли связные. Раздобыв лодку и запрятав её на берегу, организовали тайный ночной перевоз через Оредеж — переправляли партизанских разведчиков. Чуть ли не каждую неделю жители Торковичей находили у себя в домах листовки, газеты

с Большой земли, ловко засунутые то в дверную щель, то под половицу сеней... Иногда кто-нибудь из девушек отправлялся в районный центр — Оредеж. Здесь у библиотекаря Ирины Орлёнок была тайная явка подпольщиков. Ирина протягивала гостю книгу:

— Не нравится? Тогда давайте обратно.

А меж потрепанных страниц уже лежало письмо от Бухова к Исакову, секретарю подпольного райкома...

Опасности подстерегали связных на каждом шагу. Тасю Яковлеву, шагавшую по Торковичам с корзинкой, остановил дюжий солдат:

— Что несёшь?

— Пожалуйста, глядите — картошку, лук.

— Куда?

— Подруге. Семья у неё большая, голодают...

Тася свернула к дому Анны Петровны, у той и впрямь была большая семья — мать, братья, сёстры, и впрямь голодали. Но несколькими часами позже эта корзинка вместе с картошкой, луком и планом военных объектов была уже у партизан.

Их подстерегали случайно, вроде той, которая выпала на долю Галинки Комлевой. Придя однажды на условленное место к болоту, она не застала посыльного. Тогда Галя зашагала дальше по тропинке, через болото, в Чёрный лес. Партизаны обнаружили её вблизи штаба отряда полуживую, почти без памяти, —

стоял свирепый мороз. Бухов принял донесение, велел переодеть девчонку, уложить спать. Она отказалась и, отдышавшись, той же ночью ушла, — торопил пакет со свежими газетами и листовками, которых ждал народ в Торковичах.

Так жили они, так боролись — все шестеро, от самой юной до самой старшей. Не гремели автоматы в их руках, но они сражались. Они брели от села к селу, и часто после их дальних или близких походов взлетал в воздух то грузовик с карателями, то офицерская легковая машина, то тревожно выла полицейская сирена: отряд Бухова атаковал фашистский обоз...

В те дни особенно тяжело пришлось Анне Петровне. Она свалилась от тифа, но продолжала оставаться вожаком

группы. Она заматывала лицо платком, чтобы случайно, в бреду, не проговориться. Едва оправившись от болезни, она вышла на улицу — и увидела голубое небо, услышала нежный шелест листвы в садах... Как охотно повела бы всех своих помощниц в отрядном строю, под бездумную песенку горна — туда, в сизоватую даль, которую когда-то разглядывали в бинокли, играя в «красных» и «синих»! Нет, не поведёшь, потому что сейчас война и надо защищать вот эти сады, и эту даль, за которой вся

страна, дорогая и старым и малым... Внезапно она подумала о матери тринадцатилетней Галинки, Зинаиде Ивановне. Каково-то ей? Но разве ничем не жертвует она сама, вожатая, рискующая оставить восьмилетнего Вовку сиротой?

Зимой сорок второго года немцы бросили против лужских и оредежских партизан особенно крупные силы карателей. Погиб Бухов, застигнутый в доме, куда зашел усталый, с разведки. Укрывшись за печкой, он отражал натиск врагов автоматным огнём. Фашисты разобрали крышу, — только так им удалось застрелить партизанского командира...

А его связные продолжали борьбу. И когда в декабре того же года их арестовали, борьба эта разгорелась ещё жарче.

...Снова вечер, и снова де-вушки вместе. Но теперь за окном уже не сиреневые сады, а штык часового.

Впрочем, часовой у дверей, Карл, — незлой человек. Он позволил Зинаиде Ивановне, матери Гали, принести всё, что нужно для вышивания. У матери трясутся руки, обнявшие дочь.

Подошла к вожатой, вгляделась в серое, усталое лицо:

— И с вами поцелуемся, Анна Петровна... Что Вовке-то передать?..

Она черпает мужество — мать у матери. Обнялись.

Ушла Зинаида Ивановна.

— Ну, — говорит весело Анна Петровна, — чего скис-

ли? Кто новый узор знает — показывай!

Занялись девочки вышиванием.

— Анна Петровна! — говорит вдруг Галинка, оторвавшись от работы. — А я вот ни столечко не боюсь. Я им всё равно ничего не скажу, честное пионерское!

Вожатая притягивает её к себе, улыбается через силу:

— Меня хочешь взбодрить? Ах ты, Галька, Галька, если б я раньше знала, что из редактора отрядной стенгазеты такой лихой партизан выйдет!

— А что было бы?

— Конфетами бы тебя за-кормила, вот что!

Это не очень смешно, но смеются обе. Это главное — вдохнуть силы в самую младшую из арестованных, тринадцатилетнюю. Потому что гитлеровцы начнут допрос с неё: с девочкой легче справиться.

Но они начали с самой Анны Петровны. Почти каждый день её уводили на допрос. Потом приносили и швыряли в угол.

К ней подползала Галя, платочком, так недавно расшитым, утирала кровь с разбитых губ вожатой, смотрела неотрывно в широко открытые глаза, шептала:

— Честное пионерское, Анна Петровна... Честное пионерское...

Допрашивали остальных. Били. Потом однажды Карл хмуро сказал:

— Комлеву вызывают... Девочку...

Её принесли через час, швыр-

нули на пол. По лицу Карла поняли: и с Галинкой у фашистов ничего не получилось. Тогда все запели — песню, которую сочинила здесь же, в камере, Ирина Орлёнок, та самая, с которой держали связь ещё на воле. Гитлеровцы замолотили в дверь прикладами, песня зазвенела ещё громче.

Всё же офицер, ведший дознание, сделал ещё одну попытку. В камеру привели Вовку, сына Анны Петровны:

— Простись с матерью. Сейчас расстреляем. Нет, не мать, а тебя!

Помертвевшими губами она целовала сына:

— Прощай... прости...

— Ничего не скажете, Семёнова? Поймите, мы не шутим.

— Не скажу. Чем бы вы мне ни угрожали, я вас не боюсь!

Мальчонку увели. Тогда Галька стала кричать, что всё равно всем фашистам капут, и Гитлеру капут, и пусть каждого режут хоть на кусочки,

никто ничего и никогда не скажет...

20 февраля 1943 года их увезли в деревню Васильковичи. Потом расклеили объявление: «Расстреляны за пособничество бандитам-партизанам».

...Снова цветёт сирень в Торковичах, размашистее стали здешние сады. Другие девушки ходят теперь по улицам посёлка с душистыми ветками в руках. Другие мальчишки и девчонки бегают в местную школу, отстроенную вместо прежней, которую сожгли фашисты. Но в школе свято хранятся фотографии и записи рассказов о партизанских связных, добытые этими мальчишками и девчонками, нынешними «красными следопытами». Это дань отваге героев, их славе, которой цвести в нашей памяти вечно. Это свидетельство того, что прорастает эта слава свежими, молодыми побегами...

Торковичи—Ленинград.

По лермонтовским местам

(Подписи к фотоснимкам на 3-й странице обложки)

На снимках: памятник М. Ю. Лермонтову в Пятигорске; дом в Пятигорске, в котором жил великий поэт; «Грот Лермонтова» в Нижнем парке в Кисловодске.

Фото Н. Карасёва

ВЕЛИКИЙ ПОЛЁТ

Полётом в небесные дали
Сегодня весь мир восхищён.
Его с нетерпением ждали
Все люди с далёких времён.
Такого не знала планета,
Не слышали люди земли,
Чтоб в космос с пилотом
ракета
Помчалась и скрылась
вдали.
Гагарин бесстрашно и
смело
Над нашей землёю летал.
«Я выполнил партии
дело!» —
Народу Гагарин сказал.

Толя МЫШКОВСКИЙ,
3-й класс, 366-я школа

Рис. В. Адаева

ПОДВИГ

Горды мы за подвиг твой
дерзкий,
Предела и радости нет.
И шлём мы тебе
пионерский,
Большой и сердечный
привет!

Мы в космосе были с тобою
Душою и сердцем своим.
Ведь время настало такое,
Что в космос и мы полетим.

Лина ЗАКС,
5-6 класс, 305-я школа

МЫ ХОТИМ УЧИТЬСЯ У ТЕБЯ

Помнят пионерские
дружины
О великом, легендарном
дне.
Юрий Алексеич, расскажи
нам,
Как там, что там было в
вышине.

Знать хотят об этом все
ребята,
Чтобы поучиться у тебя
Побеждать нелегкие
преграды,
Беззаветно Родину любя.

Ира ПАНФИЛОВА,
3-в класс, 299-я школа

ПУТЬ К ЗВЁЗДАМ

Ты без страха летел на
ракете,
Чтобы в космос пути нам
открыть.
О твоей беспримерной
победе
Никогда никому не забыть.

Ты для нас стал отныне
примером,
Звёзды тоже к себе нас
зовут.
И при встрече с тобой
пионеры
Отдают пионерский салют.

Тамара ХРЯПИНА, 6—1 класс,
384-я школа

«Слушаюсь, товарищ...»

Р А С С К А З

В СЕМЬ пятьдесят утра будильник сердито крикнул и сразу же наполнил комнату противным звоном. Слава рванул одеяло на голову, но звон проник и под одеяло. Слава спрятал голову под подушку, но острый звонок сверлил уши и там. Будильник требовал безоговорочной капитуляции, и Слава сдался.

Он высунул голову, приоткрыл чуть-чуть глаза, и тогда будильник, точно того и ждал, мгновенно умолк.

Наступила блаженная тишина. Апрельское утро робко заглянуло в окно тонким весёлым лучиком. Лучик нехотя сполз с подоконника, скользнул по кровати, замер на стуле и здесь вдруг бесцеремонно высветил заплату на старых штанах Славы.

Теперь Слава всё вспомнил.

Вскочив с постели, он начал поспешно одеваться. Через час начнётся воскресник, ленинский воскресник! Нельзя опоздать и на секунду! Тем более ему! Председателю совета отряда! Да ещё в шестом классе!

Наскоро плеснув в лицо двести пригоршни воды, он повязал пионерский галстук, старательно пригладил торчащие дыбом жёсткие волосы и с довольным видом погладил на

рукаве рубахи две красные нашивки.

Накинув на плечи куртку, Слава скатился по перилам лестницы и столкнулся внизу с Ромкой. Ромка учился в четвёртом классе. Вчера его приняли в пионеры, и сегодня он впервые повязал себе галстук.

При виде Славы Ромка расплылся в улыбке и поспешно отдал ему салют.

— Приветик! — бросил Слава, не вынимая рук из карманов.

Улыбка на румянном лице Ромки исчезла. Растаяло счастливое чувство, которое переполняло его ещё секунду назад. Но Слава ничего не заметил. Он шагал, насвистывая «Баклажку», и был в прекрасном настроении.

Невдалеке от школы мальчики встретили Тусю. Туся сидела на одной парте со Славой и была знаменита на всю школу. Ребята уверяли, что она знает наизусть не менее тысячи стихов и столько же песен.

Ромка приветствовал Тусю пионерским салютом, и Туся ответила ему тоже салютом. На лице Ромки снова засияла улыбка.

— Здравствуй, племя младое! — сказала Туся весело. — Ну-ка, Ромка, отвечай, кто это

написал: «Здравствуй, племя младое, незнакомое!»

Ромка смутился, он не знал.

— Нашла кого спрашивать! — усмехнулся Слава. — Он же ещё суслик!

— Воображуя ты! — рассердилась Туся. Она заметила на штанах Славы заплату и сказала:

— Про тебя один поэт написал: «И в рубище почтенна добродетель!» А ну-ка, скажи, кто это написал?

Теперь смутился Слава.

— Дурацкие вопросы! — сказал он сердито. — Из-за вас ещё на воскресник опоздаешь. Вам-то что! А председатель отряда, знаешь, как должен дисциплину соблюдать?! Пошли!

ШКОЛЬНЫЙ переулочек заполняли пионеры. Все были в старой, поношенной одежде, и красные галстуки выглядели сейчас особенно нарядными и яркими.

— А я понесу плакат! — сообщил Слава и исчез в дверях школы.

— Туся! Смотри, оркестр! — закричал Ромка.

В переулочке показались музыканты. Солнечные зайчики, точно выпрыгнув из медных труб, весело заматались по стёклам школы.

— Знаешь, как я люблю духовой оркестр? — сказала Туся. — Просто ужасно! А ты?

— И я ужасно! А ты читала книжку про Ленина, как он на субботнике работал? Там тоже духовой оркестр играл.

— Ясно, читала. А вон и Славка с плакатом!

«Будем как Ленин!» — прочёл Ромка на плакате.

Ах, как хотелось Ромке поднять высоко над головой такой плакат и нести его впереди отряда! Но Ромка отлично понимал, что мечта эта несбыточна. Он долго вертелся вокруг Славы и, не выдержав, жалобно попросил:

— Слава... дай поддержать... хоть минуточку... А?..

Председатель совета отряда бросил на Ромку возмущённый взгляд:

— А нашивки мои поносить не хочешь?! — И повернувшись спиной к Ромке, сказал ребятам: — Это я сам придумал такой призыв: «Будем как Ленин!»

— Ничего ты не придумал, всё списал с «Пионерской правды!» — заявила Туся.

Славка собрался было обозвать Тусю дурой, но в это время грянул оркестр и всё заглушил. Музыканты играли авиамарш. Ромка никогда ещё не слышал такого марша. Ему казалось, что лучшей музыки быть не может. Торжественное, никогда не испытываемое чувство охватило маленького Ромку. Он стоял неподвижно, боясь вспугнуть это удивительное, незнакомое доселе ощущение. Голова его была высоко поднята, кулаки сжаты. В эту минуту он готов был на любой подвиг, и казалось Ромке, что нет на земле такой силы, которая могла бы утратить его.

Когда оркестр кончил играть, из дверей школы вышли

старший пионервожатый и какой-то незнакомый ребятам пожилой человек. Он был в офицерской шинели, без погон. Пионервожатый что-то сказал ему, и человек в шинели, сделав шаг вперёд, вдруг громко и раскатисто подал команду:

— Смир-р-на-а-а!

Сдвинув разом каблуки, ребята вытянули руки по швам. Старший пионервожатый с уважением взглянул на пожилого человека, неловко козырнул ему и повернулся к пионерам.

— Юные ленинцы! — торжественно начал он. — Всё человечество отмечает в эти дни день рождения великого Ленина. Как же отметят эту дату пионеры нашей школы? Прежде всего — хорошей учёбой и трудом. Я вижу в руках Славы Свешникова замеча-

тельный призыв: «Будем как Ленин!» Давайте же оправдаем наше обещание. Сейчас мы пойдём на пустырь и будем там работать.

Ребята знали, о каком пустыре идёт речь. Он был в трёх кварталах от школы. Когда-то там стоял большой дом и в нём жили весёлые, хорошие люди. Но пришла война, в дом ударила бомба, и дома не стало. После войны ленинградцы разобрали развалины, но и сейчас ещё кое-где на пустыре топорщились перекрученные листы ржавого железа, виднелись кирпичные завалы, валялись гнилые доски.

— Поработаем, и у нас будет отличный школьный стадион, — продолжал пионервожатый...

Во время его речи человек

в шинели пытливо разглядывал ребят. Заметив его, Слава нахмурился. Сдвинутые брови, казалось ему, придают человеку властный вид.

— «Но сурово брови мы насупим...» Это кто написал, а? — услышал он у самого уха насмешливый голосок Туси.

— Молчи! — шикнул Слава.

— Руководить работами на воскреснике будет представитель райсовета товарищ Хватов, — сообщил пионервожатый.

— А мы его не знаем! Не видали никогда! — закричали пионеры.

— Вот я, ребята, перед вами! — сказал человек в шинели и, щёлкнув каблуками, отдал честь. — Полковник в отставке, Хватов, — представился он.

— «Полковник наш рождён был хватом, слуга царю, отец солдатам», — выпалила Туся. — Откуда это, Ромка?

— Это я знаю! — обрадовался Ромка. — Это Лермонтов, «Бородино» стихотворение называется.

— Слушать мою команду! — зычно разнеслось по переулку. — Председатели отрядов — ко мне! Остальные — стоять вольно.

Председатели подбежали к Хватову.

— В девять ноль-ноль, товарищи командиры, постройте свои отряды. К пустырю пойдём строем, под оркестр.

Ребята были довольны, что полковник назвал их командирами. Один только Слава остался недоволен, потому что

полковник сказал ему при всех:

— У тебя расхлябанный вид. Застегни куртку.

В девять ноль-ноль отряды были построены, и духовой оркестр заиграл марш. Шагать под него было легко и весело.

Слава шёл впереди отряда. Подняв высоко плакат, он чётко отбивал шаг. Ему казалось, что все прохожие смотрят сейчас только на него.

ВОСКРЕСНИК начался по сигналу горна.

Славе пришлось таскать доски. Полковник приказал укладывать их в самый дальний конец пустыря.

— Разбейтесь на пары и приступайте к работе! — сказал полковник. — Вдвоём нести доску удобнее.

— Славка, хочешь я буду с тобой в паре? — предложила Туся.

— Обойдусь без помощников, один справлюсь! — заявил Славка.

Но тащить доску одному оказалось трудно. Особенно, когда попадалась длинная доска: она волочилась по земле, застревала во всех выбоинах и мешала передвигаться другим ребятам. Перед концом воскресника Славе попалась препротивная доска. Длинная, шершавая, она поминутно выскальзывала из рук.

«Зачем тянуть её в угол? — подумал Слава. — Положу здесь у стены и всё!»

Воровато оглянувшись, он опустил доску на землю. И в

ту же минуту перед ним возник Ромка.

— Ты, Славик, должно быть, не слышал... Доски знаешь куда надо носить? Вон в тот угол, где тачка...

— Обойдусь без твоих советов!..

— Я думал, ты не слышал...

— За себя думай! Мне твои заботы не нужны! Приветик!

Неожиданно Ромка преградил ему дорогу:

— Доски надо туда... Где тачка, в тот конец...

— Вот пристал! — обозлился Слава. — Хочешь по сопатке схлопотать? Да?

— Потому что было приказание...

— «Приказание», «приказание», — передразнил Слава. — Мне? Кто? Первый раз нацепил галстук, а лезешь указывать председателю отряда!

Возбуждённый спором, Слава не видел, что за спиной стоит полковник. Заметив его, он смутился.

«Сейчас начнёт выговаривать... за доску, — подумал Слава. — И всё из-за этого суслика, из-за Ромки!»

— Ты, кажется, нёс плакат? — спросил неожиданно Хватов.

— Нёс...

— Надпись на плакате помнишь?

— Конечно, помню. Я ведь её сам писал!

— Значит помнишь... Сам писал... Да.. — Полковник умолк. Ромке показалось, что глаза у полковника вдруг потемнели и стали печальными. — Да!.. — снова повторил

задумчиво полковник. — Ну что ж, иди, председатель отряда... работай!

«Значит, не слыхал, как я отбрил этого суслика, — подумал Слава. — Главное, хорошо, что доску не заметил!» — И, бросив торжествующий взгляд на Ромку, он не спеша отправился за очередной доской.

Отойдя немного, Слава обернулся посмотреть, что делает посрамлённый Ромка. То, что он увидел, заставило его забыть о столкновении с Ромкой. Полковник Хватов, подняв брошенную Славой доску, нёс её в дальний угол пустыря.

ПИОНЕРСКИЙ горн протрубил отбой. Воскресник кончился. Не верилось, что всего несколько часов назад на этом самом месте была свалка. Доски, брёвна, ржавое железо, битый кирпич — всё сейчас лежало аккуратно уложенным в разных углах пустыря.

— Будем здесь гимнастикой заниматься! — сказала Туся.

— Не-а! — протянул Ромка. — Мы здесь в футбол будем!

— Факт — в футбол! — подхватили мальчишки. — Летом — футбол, зимой — хоккей! Порядочек!

— Ребятки! — раздался голос пионервожатого. — Устраивайтесь на брёвнышках: с вами хочет поговорить товарищ Хватов!

Славе показалось, что при этих словах пионервожатый

посмотрел на него каким-то особенным взглядом.

«Сейчас расскажет про доску... при всех... — подумал он тоскливо. — Обязательно расскажет...»

— Друзья мои дорогие, — начал полковник Хватов. — Мне хочется рассказать вам о своей встрече с товарищем Лениным.

При этих словах ребята захлопали в ладоши. Громче всех хлопал Слава: ясно, что полковник забыл про доску.

— Мне посчастливилось видеть Ильича три раза, — сказал полковник. — Но разговаривал я с ним только однажды. Всего два слова сказал мне тогда Ленин...

Ребята разочарованно переглянулись. Конечно, и два слова услышать от Ленина — это тоже счастье, но всё-таки...

И словно поняв, о чём думали пионеры, полковник продолжал:

— Да... Всего два слова... И я не перестаю благодарить судьбу за эту встречу!..

Он умолк, задумчиво смотря куда-то поверх ребячьих голов. Потом вдруг улыбнулся какой-то виноватой улыбкой.

— Я не часто говорю об этой встрече. Совестно рассказывать... До сих пор стыдно. Не собирался я рассказывать о ней и вам. Но сегодня на воскреснике услышал я разговор одного председателя отряда... И показалось мне, что обязан я рассказать вам о своём разговоре с Владимиром Ильичём...

Хватов медленно оглядел

ряды пионеров, точно разыскивая кого-то. Увидев Славу, он слегка нахмурился. Слава поспешно отвёл глаза в сторону, но продолжал чувствовать на себе пристальный взгляд полковника Хватова.

— Это случилось сорок лет назад, — услышал он снова голос рассказчика. — Первого мая тысяча девятьсот двадцатого года. Мне тогда едва минуло восемнадцать лет. Но был я к тому времени уже обстрелянным пулемётчиком чапаявской дивизии... Да, да! Того самого Чапаева! Василия Ивановича! Но в бою под Уфой получил я на память от беляков две пули — и обе в грудь. Провалился по госпиталиям чуть ли не год, а когда выписался, направили меня учиться военному делу. И не куда-нибудь, а в Москву. И не просто в Москву, а в Кремль, на курсы пулемётчиков...

— Сейчас он встретится с Лениным, вот увидишь! — шепнула Туся. Слава поднял на рассказчика глаза.

— Сами понимаете, — продолжал полковник, — больше всего на свете я хотел повидать Ильича. Я уже знал, что многие курсанты встречали его в Кремле. А мне ну никак не удавалось увидеть его! И вот настал день Первого мая. Вам известно, чем замечателен этот день — Первого мая двадцатого года?

— Знаем! — закричали ребята. — Мы читали! Тогда субботник был. На нём товарищ Ленин брёвна таскал!

— Правильно! Это был пер-

вый Всероссийский субботник. Теперь-то вы знаете, что в этом субботнике принял участие великий наш вождь. А тогда нам и в голову не приходило, что товарищ Ленин станет таскать вместе с нами тяжёлые брёвна. И вот утром все курсанты отправились на субботник. Все, кроме тех, кто нёс караульную службу. Я в тот день тоже был назначен в караул. Пост мой находился у входа на Драгунский плац. Было мне приказано следить, чтобы никто не таскал хлама к решётке Драгунского плаца. И вот около восьми часов заиграл духовой оркестр. А потом ударила кремлёвская пушка, и субботник начался. С моего поста мне мало что было видно. Простоял я так с полчаса, потом заметил нашего коменданта. Он тащил мимо меня здоровенный такой горбыль! Засмотрелся я на коменданта, а в это время какой-то человек бросил у самой решётки небольшую доску. Бросил и быстро так, чуть не бегом, к нашему коменданту устремился. Видно, хотел помочь ему. Но тут я остановил того человека..

Полковник на минуту умолк, вздохнул и улыбнулся застенчивой виноватой улыбкой.

— Да... Остановил... Нехорошо остановил... Грубо... «Эй, гражданин! — крикнул я. — Вернитесь!» Гражданин остановился, обернулся, а я стал выговаривать ему: «Не положено сюда доски бросать».

«Слушаюсь, товарищ», —

сказал гражданин и нагнулся за доской.

Но в это время подбежал к нему наш комендант, отдал честь и стал извиняться: «Простите, Владимир Ильич, сейчас я прикажу начальнику карау-

ла, он этого часового сменит». Потом повернулся ко мне и давай: «Ты кто такой, — кричит, — чтобы указывать товарищу Ленину! А? Я спрашиваю, кто ты такой, чтобы делать замечания Председателю

Совета Народных Комиссаров!?»

Рассказчик вынул платок и вытер вспотевший лоб. Он и сейчас, сорок лет спустя, не мог без глубокого волнения вспомнить об этом случае.

— Да, друзья мои дорогие, не легко мне было в тот момент! Сами подумайте, кому замечание сделал, на кого повысил голос! А тут еще комендант не унимается: «Перед тобой Председатель Совета Народных Комиссаров, а ты ему замечания!?»

И вдруг Владимир Ильич вскинул на коменданта недовольный взгляд и сказал сердито: «Вы абсолютно не правы, товарищ. Да, да! Абсолютно! В данном случае моя должность не имеет никакого значения. Я по незнанию нарушил чье-то правильное распоряжение, и часовой справедливо указал мне на это. Значит, я обязан ему подчиниться...» И, подняв доску, Ильич понёс её к стене.

— Вот, ребята, и весь мой разговор с Лениным. — Взгляд полковника снова нашёл Славу. И Слава отвёл свои глаза в сторону. — Два слова сказал мне Ильич: «Слушаюсь, товарищ!» Ленин, великий Ленин, каждое слово которого ловил весь мир, сказал мне, малограмотному пареньку-комсомольцу: «Слушаюсь!» Потому что я был прав. И тогда понял я, что нет на свете ничего свя-

тее правды. И еще понял я, что не имеет права коммунист обижаться на правду, хоть и бывает та правда тяжёлая... неприятная... обидная...

Слава слушал полковника, и ему казалось, что все ребята смотрят сейчас не на рассказчика, а на него. И снова Слава встретился с пристальным взглядом полковника. Но на этот раз он не отвёл глаз в сторону, не опустил головы, не отвернулся. И тогда рассказчик облегчённо вздохнул и впервые широко и радостно улыбнулся. Улыбнулся и сказал:

— Не каждый умеет слушать справедливые замечания. Ленин умел. Сумейте и вы, ребята, слушать без обиды любую правду. Не опускать перед ней глаза. Тогда, и только тогда вы получите право нести впереди своего отряда знамя с надписью: «Будем как Ленин!»

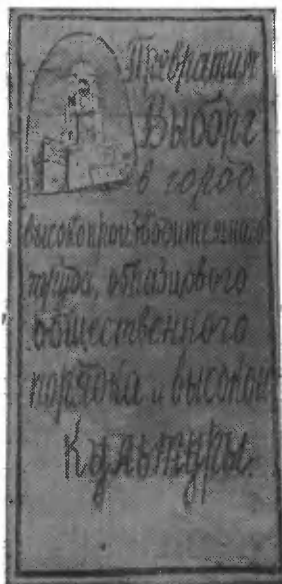
РЕБЯТА расходились по домам. Ромка шёл молча. Синие глаза его сияли. Молчал и Слава. Рядом с ними, стараясь попасть в ногу, вышагивала Туся. Даже она была молчалива. Но, подходя к дому, не выдержала и, прежде чем попрощаться, проникновенно произнесла:

Ленин жил,

Ленин жив,

Ленин будет жить!

Город щедрых людей

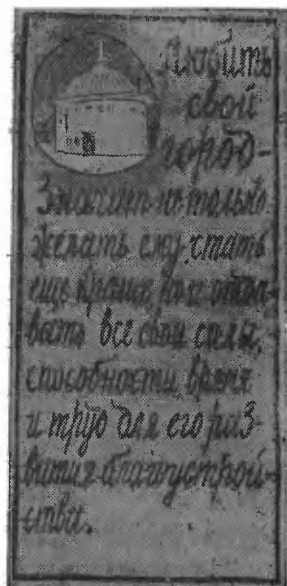

К СЕВЕРУ от Ленинграда среди густых лесов, прозрачных озёр раскинулся старинный русский город Выборг.

Хорошо в нём. Дома весело сверкают под лучами солнца гранитными фасадами. Приятно шелестят листвою бульвары, сады и скверы. На улицах пахнет морем и ароматом лесов.

Любят свой город жители Выборга. Сессия городского Совета призвала выборжан соревноваться за город высокопроизводительного труда, высокой культуры и образцового порядка, достойно встретить XXII съезд КПСС.

Выборг первым из городов нашей области сделал добрый почин!

О бригадире Семёне Брагине и хорошем настроении

учителей

В ПРОХОДНУЮ завода «Электроинструмент» шумно вошли десятиклассники 14-й школы. Каждого из них здесь хорошо знают в лицо. И, конечно, никто не собирался спрашивать у них документы. Но разве обойдёшься без шуток! И ученики, развернув перед вахтером стенную газету «Статор», едва сдерживая смех, сказали:

— Вот наш пропуск!

А через несколько минут они показывали уже газету руководителю бригады коммунистического труда токаря

Семёну Кузьмичу Брагину.

Брагин придирчиво читал каждую заметку, вникал в каждую фразу. Ведь с недавних пор ребячьи дела — его забота...

В начале учебного года Семён Брагин с товарищами по бригаде приехал в 10-а класс.

Будем откровенны. Недобрая слава шла об этом классе. Он считался плохим и по успеваемости и по дисциплине.

По дороге в школу Брагин делился с товарищами своими опасениями:

— Что сказать ребятам? Прописную мораль они и так часто слышат.

— А ты скажи им что-ни-

* Члены редколлегии стенной газеты пришли за советом к Семёну Кузьмичу Брагину.

*

ной и спокойной речью. И тем, что, вопреки предсказаниям классных «мудрецов», не распекал их, а рассказывал о своей бригаде.

Токарь Анатолий Петров придумал чудо-резец для обработки больших алюминиевых деталей, который заменяет два резца. Хорошая голова у Петрова. Большие технические знания. Токари крепко дружат. Владимир Дошин ещё недавно был учеником токаря. Не всё у него получается. Случается, то-

будь педагогическое! — дипломатично посоветовал один из токарей.

— Педагогическое! — усмехнулся Брагин. — Всё собирался почитать Ушинского и Макаренко, да так и не собрался.

Класс встретил рабочих насторожённо.

Семён Брагин подошел к передней парте и как-то очень просто и веско сказал:

— Ребята, мы к вам — прямо от станков. Сегодня выполняли заказ для Кубы. Было трудно. И мы устали. Давайте поговорим как друзья с друзьями...

Бригадир с первого взгляда понравился ребятам. Понравился своим тонким выразительным лицом, какие часто бывают у киноактеров. Плав-

варищи установят ему деталь, наладят станок. Когда заболел Семён Брагин, токари, работая дополнительно, закончили обработку вала, чего не успел сделать бригадир. Рабочие находят время, чтобы учиться.

Ученики слушали и невольно сравнивали себя с рабочими. Сравнение было не в пользу десятиклассников! Разве есть в классе настоящая дружба? Всегда ли помогали они заболевшему товарищу наверстать упущенное? Все ли силы вкладывали в учение?

Встреча закончилась заключением дружественного договора. И ученики и рабочие взяли много обязательств, смысл которых — хорошо работать, учиться и честно жить.

Ребята стали бывать на заводе. Семён Брагин познако-

мил их с десятками рабочих. И каждый раз что-то хорошее незримо входило в сердца ребят...

Воспитательница 10-а класса Анна Семёновна Ермолаева говорит: «Успеваемость в классе выросла. У завязых двоечников теперь нет четвертных двоек. Только один Юрий Черевичный получит летние задания по русскому языку и физике. Изменилось у ребят отношение к людям. Они стали уважительными, скромными, приветливыми. Учителя говорят: «Идти на урок в 10-а теперь приятно!»

Стены Музыкального дома раздвинулись

ЭТА небольшая музыкальная история началась в светлом особнячке, где находится детская музыкальная школа. Жители города называют школу Музыкальным домом.

В последнее время стены дома раздвинулись, и музыка вышла в город и зазвучала со сцены городского Дома культуры.

Кто раздвинул стены Музыкального дома и понёс музыкальную культуру в народ? Трое энтузиастов: преподаватели Александра Александровна Хрущёва, Елизавета Васильевна Королёва и директор школы Виктор Абрамович Цветов.

Для любителей классической музыки они проводят в Доме культуры музыкальные воскресенья. На музыкальные

воскресенья собираются школьники, студенты, военнослужащие, рабочие, врачи, учителя.

Александра Александровна и Елизавета Васильевна читают лекции о творчестве великих композиторов. Сначала лекции сопровождался грамзаписями: в городе не было симфонического оркестра. Тогда Виктор Абрамович Цветов объединил музыкантов-любителей в симфонический оркестр и стал его руководителем.

...Как-то попала на глаза воспитанникам детской музыкальной школы книга отзывов посетителей музыкальных воскресений. Заглянули в нее. Прочли запись: «Музыка — область прекрасного. К ней тянутся люди. Спасибо тем, кто ввел нас в мир прекрасного».

У музыкантов собственная гордость: задумались ребята. Многие вступили в симфонический оркестр, а шестиклассник Александр Корегин и семиклассник Валерий Козлов стали солистами-исполнителями. Вместе с Александрой Александровной Хрущёвой они отправились на музыкальный вечер. Валерий исполнил экспромт Шуберта, Александр — первую сонату Бетховена.

А недавно они наблюдали жаркую музыкальную баталию, разгоревшуюся между слушателями после лекции-концерта о симфониях Чайковского и Бетховена.

Старушка пенсионерка, энергично жестикулируя руками,

наступала на молодого матроса:

— У Бетховена человек сильнее судьбы!

— Мамаша, не волнуйтесь, — успокаивал тот старушку. — Я не спорю, только у Чайковского...

Но где там! Старушка, воодушевившись, не давала солдату рта раскрыть.

Чтобы таких споров было больше, чтобы люди понимали музыку, и отдают бескорыстно свои знания, свободное время преподаватели музыкальной школы, становится возле дирижёрского пульта директор Виктор Абрамович Цветов, скромный пожилой человек невысокого роста.

Сад на скале

ЭТОТ заголовок обязывает рассказать о саде и о скале, на которой он растёт. Но так как сад не появился на скале по мановению волшебной палочки, а посадил его человек, то сначала о нём, о человеке.

У него, несмотря на преклонный возраст, свежее румяное лицо. Должно быть, от того, что он много времени находится на воздухе. Глаза светятся приветливым огоньком. Он непрочь по-мичурински пофилософствовать: «Мы живем среди природы. А природа любит, чтобы её любили. Любить её — значит помочь ей стать ещё лучше и наряднее. И тогда бери у неё блага полной пригоршней».

Зовут этого человека — Освальд Эдуардович Вильман.

В гражданскую войну он был кавалеристом. Живо помнит Освальд Эдуардович одну, особенно яростную, кавалерийскую атаку на белоказачков. Сильным ударом сабли Вильман сразил беляка, а стальной клинок врага взял в качестве военного трофея. Около четырех десятков лет хранил Освальд Эдуардович казачий клинок.

Все эти годы он работал кузнецом на различных предприятиях. Несколько лет назад ушёл на пенсию.

Должно быть, Вильман из тех кузнецов-умельцев, о которых писатель Лесков сказал, что они настолько искусны, что могут подковать блоху.

Увидел Освальд Эдуардович в журнале снимок скульптуры Вучетича «Перекуём мечи на орала». «Кузнец сродни ваятелю», — подумал Вильман и, недолго думая, перековал стальной клинок на плуг. Этот плуг, сделанный из казачьего клинка руками мастера-волшебника, находится в Выборгском краеведческом музее.

Умению и трудолюбию кузнеца покоряется не только металл, но и гранит...

Пятнадцать лет назад на том месте, где теперь стоит небольшой, окрашенный в ослепительно белый цвет дом Освальда Эдуардовича и цветёт сад, была голая скала из розового гранита. Лишь кое-где в её расщелинах и ямках рос пожухлый мох.

Постоял, постоял тогда кузнец на высокой гранитной скале, откуда открывается изуми-

тельный вид на город, и решил здесь строиться.

Руки кузнеца привыкли к тяжёлой работе. Шесть лет возил на тачке Освальд Эдуардович землю. Посыпал ею гранитную твердь. А чтоб она не осыпалась, чтобы не смывали её дожди, каждый участок, каждую клумбу и грядку заботливо обкладывал кирпичами.

Достал яблоньки-дички с палец толщиной, сделал прививки.

Вставал в три-четыре часа утра. Шел к колодцу. Два ведра нёс на коромысле, два других — в руках. Земля, положенная на гранитную скалу, удобренная, обдуваемая ветрами, жадно поглощала влагу: приходилось приносить по 50—60 ведер.

Самоотверженно защищал Освальд Эдуардович яблоньки от непогоды, белил их, чтобы уберечь от солнечных ожогов.

Чудесный сад вырос на вершине и склонах гранитной скалы! Чего только в нём нет! И антоновка, и белый налив, и пепин литовский, и чёрная рябина, вишни, сливы, крыжовник, смородина, цветы. И пусть невелик — всего в несколько десятков сантиметров — слой земли, пусть корни яблонь стелются по камню, — сад даёт крупные и вкусные плоды.

Освальд Эдуардович показал свои яблоки на выставке в Выборге. К стенду подошёл посетитель, приехавший с Украины. Взял белый налив размером в два кулака и, от-

кровенно любуясь плодом, спросил у Вильмана:

— Отец, эти яблоки наверное из-под Полтавы?

Вспоминая об этом комичном эпизоде, Освальд Эдуардович весело смеётся.

— Разбивая сад на скале, — говорит он, — я хотел доказать соседям, что человек может заставить цвести даже камни!

И камни зацвели! Когда идёшь по крутым улицам посёлка Выборгский, где живёт инициатор посадки садов кузнец Вильман, то видишь, как к гладкому розовому граниту то здесь, то там рождённые к жизни упорным трудом человека прилепились яблоньки, сливы, вишни, окружённые деревянными изгородями.

Зелёный патруль начеку!

В КОНЦЕ прошлого года их было всего 13 человек. Теперь зелёный патруль Выборга объединяет 517 берегателей и защитников парков и садов. Внушительный патруль! Ему помогли родиться хорошие, любящие ребят люди — инспектор детской комнаты гормилиции Евдокия Васильевна Смирнова, полковник запаса Наум Яковлевич Левитин и другие общественники.

Мы стали свидетелями простого и быстрого церемониала посвящения в рыцари зелёного патруля.

В штаб вошли мальчики — четвероклассники 7-й школы Саша Арсеньев и Витя Малков. За их спиной прятался маленький Олег Соловьёв. Видимо, парёнок оробел. Во

время разговора он то и дело высовывался из-за спин товарищей и, шмыгая носом, отвечал тихо и односложно.

Ребята попросили инспектора принять их в зелёный патруль.

Евдокия Васильевна тут же выдала им красные книжки, повязала на рукава зелёные повязки, подвела к карте, на которой зелёной краской помечены сады, отвела участок для наблюдения.

Вот и всё.

Участники зелёного патруля славятся хорошими и красивыми поступками.

Коля Шестериков доставил из посёлка имени Кирова в штаб Сашу Локтева.

Саша обламывал сучки у деревьев. За этим занятием и застал его Коля. Он положил руку на плечо нарушителя:

— Пойдём в штаб!

Саша схитрил.

— Вот ещё! — отмахнулся он. — От посёлка до вашего штаба три километра. А у меня ноги больные.

Коля не растерялся:

— Сочувствую тебе. Поедем на автобусе. У меня есть деньги.

Эти деньги предназначались на покупку мороженого. И, честно говоря, Коле было жаль тратить их на автобусные билеты. Но что поделаешь — надо выполнить свой общественный долг!

Так же думал и другой участник зелёного патруля Слава Блинов, который сообщил в штаб, что сёстры Семёновы — Люда и Тома и их подружка

Алла Ефанова портят деревья возле своего дома на Резервной улице.

В штаб вызвали девочек и их мам. Мамы защищали дочерей по извечному рецепту:

— Не может быть! Наши дочки этого сделать не могли. Славка Блинов всё выдумал.

А дочки стояли, опустив головы, и молчали. Наконец, не выдержали красноречия своих мам и восстали против слепой материнской любви:

— Да, мы обламывали деревья. Славка не солгал, — признались они.

Семикласснику Олегу Рыжкову и его товарищу по 7-й школе Анатолию Тюрину пришлось выполнить дело посложнее — преследовать похитителя велосипеда.

Ребята играли во дворе дома № 1 по Ленинградскому шоссе. Как ни были они увлечены игрой, а заметили, что в подвальное помещение, где находится столярная мастерская, вошёл щегольски одетый человек: серый пиджак, синие брюки, начищенные до солнечного блеска коричневые ботинки.

Через несколько минут незнакомец выкатил велосипед с моторчиком, принадлежавший дяде Юре — Юрию Прохоровичу Товпincu.

Сел на велосипед, и тот, жужжа моторчиком, покатыл незнакомца по улице. Почувствовав недоброе, Олег и Толя на своих велосипедах помчались вдогонку. Силы были неравные: мотор против силы мальчишечьих ног,

Дальше события развивались со скоростью, превышающей велосипедную. Мотор у велосипеда заглох. Незнакомец оставил машину, бросился бежать. Ребята, сообщив о случившемся встречному милиционеру, устремились на машинах в погоню. У кинотеатра «Родина» они настигли беглеца и с помощью подросшего милиционера задержали его.

Работник милиции Петр Яковлевич Волков, который вёл следствие по этому делу, горячо поблагодарил ребят за отвагу и бдительность.

Когда мальчики узнали, что похититель велосипеда Юрий Пешкичев недавно прибыл в Выборг из другого города, они просияли:

— А я что говорил тебе, — сказал Олег Анатолию. — В Выборге таких не может быть!

— Я и не спорил, — ответил Анатолий. — Факт!

* Н. Я. Левитин отправляет зелёные патрули на задание. *

Олег и Анатолий в своих суждениях немного хватили через край. Но простим их. Они большие патриоты своего родного города.

У НАС — человек человеку друг. Ударник коммунистического труда занимается воспитанием школьников. Пожилой кузнец заботится, чтобы у соседей зацвели сады. Работники музыкальной школы в свободное время устраивают лекции-концерты. Никто из этих людей не замыкается в узком семейном мирке. Щедро передают другим всё то, чем богаты: знания, опыт, сердечное тепло. Они — щедрые люди.

Их последователи — ребята.

г. Выборг.

Б о л е л ь щ и к и

В воскресенье,
В воскресенье
На «Динамо» был футбол.
В понедельник невезенье:
За спяженье Вовке кол.
И, конечно, мне б досталось
Вместе с ним наверняка,
Но на счастье оставалось
Полминуты до звонка.
Но сегодня — сразу видно:
Вовка хочет отвечать,
Потому что неслидно
Единицы получать.
Он готов. Он как на старте.
Он ответит лучше всех.
Но Егор на первой парте
Тоже руку поднял вверх.
Тянет руку, выше, выше...
Ну, а Вовке каково!
Вовка шепчет: «Помоги же,
Что ты смотришь на него».
В классе давятся от смеха:
Я тяну Егора: «Сядь,
Ты мешаешь человеку
Получить оценку — пять!»

О т ч е г о и п о ч е м у ?

Говорил Андрей Андреев, —
Он любил так говорить:
— Я из класса всех сильнее,
Всех могу поколотить.
И могу исправить двойки,
Сам пропорции решать.
И при этом даже к Зойке
Не заглядывать в тетрадь.
Это мне пустое дело,
Что здесь думать и уметь.
Захочу — куплю я вело,
Стоит только захотеть.
Настоящий, двухколёсный.
Буду я его беречь. —
Был Андрей хвастун несносный,
Не о нём сегодня речь.
Дело в том, что у Андрея
Был приятель — Иванов.

Он враньё того Андрея
Слушать был всегда готов.
Слушал он враньё охотно.
Почему? Да потому,
Что Андрей всегда свободно
Самокат давал ему.
Так, друзья, они и жили.
А недели две назад
Иванову подарили
В день рождения самокат.
Самокат отличный, новый,
Даже тормоз есть на нём.
— Что случилось с Ивановым? —
Рассуждали все кругом.
Он кричал Андрею смело:
— Хвастуна я видеть рад! —
Вот, что может в жизни сделать
С подхалимом самокат.

Яков Сербин

Рисунки П. Вискова

За яблоками

(Комедия в одном действии)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Сергей Иванович, он же дед Варивон.
Мишка.
Марийка.
Петрусь.
Катруся.
Лидия Петровна — пионервожатая.
Пионеры.

Перед занавесом.

Навстречу один другому выходят Сергей Иванович и Лидия Петровна.

Лидия Петровна. Здравствуй-те, Сергей Иванович.

Сергей Иванович. Доброго здоровья, Лидия Петровна! А я вот к вам направляюсь...

Лидия Петровна. Поспешим, пионеры уже собрались.

Сергей Иванович. Поменьше торжественности: обыкновенная встреча... Я шёл просить вас, чтобы отложить её...

Лидия Петровна. Как? Отложить?

Сергей Иванович. Да, да, отложить на час.

Лидия Петровна. Но все уже собрались.

Сергей Иванович. Нет, не все. Кое у кого есть и другие дела.

Лидия Петровна. Не понимаю вас.

Сергей Иванович. Поймёте через час.

Лидия Петровна. Сорвётся встреча — это большая неприятность.

Сергей Иванович. Уверяю вас, что встреча состоится.

Лидия Петровна. Беда, да и только.

Сергей Иванович. Не волнуйтесь, Лидия Петровна, через час

я приду. *(Глядит на часы.)* А сейчас идите к пионерам и скажите им, чтобы подождали часок.

Лидия Петровна. Подождут. Вы намекнули, что кое у кого есть другие дела. Как это понять?

Сергей Иванович. Потом, потом про всё узнаете. До встречи!

Лидия Петровна. До встречи!

Расходятся в разные стороны.

Раздвигается занавес.

На сцене — сад. В центре — роскошная яблоня. На ней краснобокие яблоки. Какую-нибудь минуту на сцене никого нет. Потом из кустов, что растут возле забора, выглядывают Петрусь и Катруся.

Петрусь. Кажется, ни души... Дед Варивон, как всегда, в это время отдыхает... Катруся, сигнал.

Катруся. Есть сигналить. *(Подражает воркованью голубя.)*

Петрусь. Да разве так?.. Сегодня ж ворона!

Катруся. Сам ты ворона! Сегодняшний сигнал — голубь.

Петрусь. Неужели голубь? Чтобы не перепутать, давай и голубя и ворону!

Катруся. Ох и дипломат же ты, Петрусь... *(Имитирует то голубя, то ворону.)*

Петрусь. Лезут... Значит, дошло...

Через забор, озираясь, перелезают Мишка и Марийка.

Мишка. Да хватит вам кричать...

Марийка. И зачем ты их взял? Одна морока с ними...

Мишка. Прицепились, как репейник... (Петрусь и Катрусю.) Сидеть тихо! Следите, особенно за овином, дед там отдыхает...

Петрусь. Голубем или вороной сигналить?

Мишка. Вороной.

Петрусь. Ага, я же сказал!

Мишка. Тсс... Конспираторы. Исчезните!

Петрусь и Катрусю прячутся в кустах, боязливо выглядывая оттуда.

Мишка. Марийка, нам придётся снова лезть наверх.

Марийка. Зачем? Ведь в прошлый раз не лазали?

Мишка. Наверху больше спелых яблок. А про прошлый раз я скажу так...

Марийка. Поменьше говори. Полезли. (Оба влезают на яблоню.)

Петрусь (Катрусю). Чувствуешь, Мишка и здесь задаётся. Рвёт осторожно, чтобы и веточку не сломать. Так и до завтра не управимся. Надо раз, два и айда!..

Катрусю. Тихо, деда разбудишь.

Мишка (осторожно срывает яблоки и прячет их за пазуху). Красота!.. Марийка, не торопись и не ше-

лести листьями.

Марийка. А куда же мне яблоки класть? Уже обе руки полны!

Мишка. Как я, за пазуху клади.

Марийка. Ого!.. У тебя же ремень, а у меня что...

Мишка. Ладно, возьми ремень, я так обойдусь. (Передаёт Марийке ремень.)

Марийка. Благодарю за великодушие. (Выпускает из рук яблоки и ремень.)

Мишка. Разиня!..

Петрусь (пугается). Каркай, Катрусю, каркай!..

Катрусю (каркает). Кра!.. Кра!..

Петрусь. Бежим!.. Сос! Сос!

Петрусь и Катрусю удирают через забор. Слышен старческий кашель.

Мишка. Дед Варивон!

Марийка. Скорее бежим.

Мишка. Не шевелись. Наши до-

зорные побежали, он погонится за ними и нас не заметит.

Входит с топором и пилой дед Варивон. Направляется к яблоне.

Дед Варивон (*заметив на земле яблоки*). Ишь, как обильно начали осыпаться. Может, ветер тряханул... (*Наступает на ремень*.) О, а это что? Такое диво до сих пор на яблоках не росло. (*Задирает голову*.) Так и есть... детвора! А ну-ка, слезайте, бесенята!

Мишка. Марийка, мы, кажется, попались...

Марийка. Я же говорила, а ты: «Не заметит...»

Дед Варивон. Кому я говорю!.. Ну!

Мишка. Эх, если б мне крылья!..

Марийка. Крылья, крылья! Дедушка, а вы нас будете бить?

Дед Варивон. Не буду, только слезайте.

Марийка. Слышишь, Мишка, не будет бить.

Мишка. Знаем мы подобные обещания. Вот что, дедушка, отойдите на десять шагов, тогда слезем.

Дед Варивон. Хорошо. Только с одним условием.

Мишка. Выкладывайте, обсудим. (*Ест яблоко*.)

Дед Варивон. Когда слезете, то не удирайте, а стойте на месте.

Марийка. Ладно, дедушка.

Мишка. Что ты!.. Это ж ловушка!.. Мы будем стоять, а он — хватить нас за уши. Не выйдет, дед! Не слезем!

Дед Варивон. Даю честное слово, что я без вашего согласия тоже не сойду с места.

Марийка. Ему можно поверить, принимай условие...

Мишка. Подожди, подумаю... (*Ест второе яблоко*.) Так-с... Мы туда, а он сюда, мы сюда, а он туда... Хорошо, согласен! Отходите на десять шагов. Марийка, приготовься ко всяким неожиданностям. Если дед нарушит условие, мы снова — на дерево...

Дед Варивон (*отмеряет десять шагов*). Отошёл.

Мишка и Марийка осторожно слезают с яблони.

Мишка. Всё. Мы стоим. Что дальше?

Дед Варивон. А вот что... Вы обязаны помочь мне сделать одно дело...

Мишка. Говорите, обсудим. (*Вынимает из-за пазухи яблоко, ест*.)

Дед Варивон. Имейте в виду, что сейчас меня не пугает ваше бегство. Кто вы, я знаю. Красноречивое доказательство вашего проступка у меня есть. (*Помахивает ремнём*.)

Мишка. Это всё ты виновата.

Дед Варивон (*усмехается*). Итак, привлечь вас к ответу я всегда успею. Да и в пионерскую организацию могу пожаловаться.

Марийка. Ой!.. Мы пропали... В наш лагерь как раз приезжает народный артист.

Мишка. Скандал! Дедушка, говорите скорее, какое дело сделать?

Дед Варивон. А вот какое. Надо взять вон ту пилу, что лежит возле вас, и пилить, пока я не скажу — довольно.

Мишка. Согласен. Что пилить?

Дед Варивон. Яблоню. Что рты поразевали?.. Да, ту яблоню, с которой вы только что слезли.

Мишка. Мы категорически отказываемся.

Марийка. Принимать участие в преступлении мы не будем.

Дед Варивон. Ишь, какие честные нашлись! Тогда прочь отсюда! Сегодня же пожалуюсь на вас в пионерскую организацию — будете знать!

Мишка. Мы лучше что-нибудь другое сделаем... Зачем яблоню...

Дед Варивон. Только яблоню!.. Мне немедленно надо её спилить, а силы нет. Ну?..

Мишка. Зачем пилить? Лучше обкопать, полить водичкой...

Марийка. Ведь она такая красивая.

Мишка. И яблоки вкусные. (*Хочет есть яблоко*.)

Дед Варивон. Хватит болтать. Будете пилить или нет?

Пауза.

Мишка. Не будем.

Марийка. Не будем,

Дед Варивон. Пожалее, да будет поздно. Бегите, куда глаза глядят, без вас справлюсь...

Дед Варивон направляется к яблоне, держа в руках топор.

Мишка (Марийке, которая начала отступать к забору). Ни с места! Воевать так воевать!

Дед Варивон. Смотри ты какие герои! Тогда стойте хоть до конца света, мне безразлично... (Заманивается топором, намереваясь рубить яблоню.)

Мишка. Не смейте.

Марийка. Вы не имеете права!

Дед Варивон. Ого!.. Не имею, говорите, права? Моё дерево, значит, имею!

Марийка. Не имеете. Яблоня даёт урожай.

Дед Варивон. Господи, и она ещё учит меня! Воробушек! А ну, бегите отсюда!

Мишка. Мы отсюда не уйдём. И яблоню рубить не дадим. Марийка, обхвати ствол!

Мишка и Марийка обхватывают ствол.

Мишка. Только через наши трупы.

Дед Варивон. Тыфу, сумасшедшие дети! Да поймите, это ж моё!

Марийка. Мы этого не понимаем.

Мишка. Ваше, чтобы растить, а не истреблять.

Дед Варивон. На моём месте вы бы так же поступили.

Мишка. Никогда!

Марийка. Мы пионеры!

Дед Варивон. Поймите ж, детки, моё положение. Завтра я уезжаю к сыну доживать свой век, а хату продаю чужому. Что я обязан ему и яблоню оставить? Нет!.. За яблоню он не захотел платить. А дрова мне и там для хозяйства понадобятся.

Мишка. И вы решили из-за этого погубить такое красивое и полезное дерево?

Дед Варивон. Молчать, вредный! Не уступаете? Тогда я силой оторву вас!

Мишка. Попробуйте только.

Марийка. Мы кричать, кусаться будем!

Дед Варивон. А я на вас собаку спущу!

Мишка. Хоть волка спускайте, не отступим.

Дед Варивон. Сейчас посмотрим, какие вы храбрые, посмотрим... (Уходит.)

Марийка. Ой, Мишка, что же делать будем? Он и правда может собаку выпустить?

Мишка. Он, видно, такой, что ни перед чем не остановится.

Марийка. Что же делать? Что же делать?

Мишка. Сейчас обсудим. *(Напряжённо думает.)* Вот что, беги к пионервожатой и зови её немедленно сюда.

Марийка. Лидию Петровну? Однако...

Мишка. Зови!

Марийка. А ты?

Мишка. Я тем временем один повоюю.

Марийка. Однако он расскажет ей про всё, а она тому артисту. Срам какой!.. Давай лучше убежим.

Мишка. Лучше срам, чем позорное бегство.

Марийка. Тебя ж одного собака икусает.

Мишка. Я защищусь... *(Берёт в руки оставленный дедом топор.)* Не стой ни минуты, беги!

Марийка. Держись, Мишка! Я быстро!

Перелезает через забор, исчезает. Мишка, встав в боевую позу, ожидает деда. Входит дед Варивон. Он держит за ошейник собаку.

Дед Варивон. О, девочка уже убежала! Ладно, я теперь с одним тобой расквитаюсь. Ну, так как, будем биться или мириться?

Мишка. Не для того славный молодец пришёл, чтобы мириться, а чтобы биться!

Дед Варивон. И яблоки красть?

Мишка. Я за это готов ответить. Можете выпускать своего пса, но знайте, я его зарублю.

Дед Варивон. Ох ты, царь Иван Грозный! Великан с топором! Считаю до трёх раз...

Мишка. Можете не считать, всё равно не отступлю.

Слышен шум. Вбегает Марийка, за нею — Петрусь, Катруся, Лидия Петровна, пионеры.

Марийка. Вот они! Посмотрите, я же говорила...

Голоса. Какая чудесная ябло- ня!.. А тут и, правда, пила! Не смейте отпускать собаку! Мишка, брось топор, некрасиво так!..

Мишка. Я же ничего!.. Для само- защиты поднял...

Лидия Петровна. Тихо, дети! Что случилось, дедушка?

Дед Варивон. Ничего особен- ного, дочка. Дровец хотел отцу на- рубить. Я сын деда Варивона. Узнаёте? *(Снимает искусственную бороду и усы.)*

Лидия Петровна. Сергей Иванович?! Просто не верится.

Сергей Иванович *(смотрит на часы)*. Ровно час... Я не ошибся.

Лидия Петровна. А не объясните ли вы, что всё это значит?

Сергей Иванович. Могу. Все пионеры здесь?

Лидия Петровна. О нет! Часть только... Остальные в лагере вас ждут.

Сергей Иванович. Тогда пока что познакомьте меня с присут- ствующими.

Лидия Петровна. Дети — это Сергей Иванович Трояновский, на- родный артист республики. *(Пионеры растерянно переглядываются.)*

Марийка. Вот как!..

Мишка. Скандал на всю Ев- ропу!..

Сергей Иванович. Рад со всеми вами познакомиться. *(Жмёт пионерам руки.)* Думаю, вам кажет- ся странным такое неожиданное превращение. Был дед Варивон и вдруг — Сергей Иванович, артист. Сейчас объясню. Тот, кого вы назы- ваете дедом Варивоном, мой отец. Приехав к вам, я его навестил. А он и говорит: «Частенько, мол, мой садочек твои подшефные начали по- сещать. Поговори там как-нибудь с ними, чтобы не делали этого...» Ду- мал я, думал, как это сделать, и придумал... Сделал бороду, похо- жую на отцову, усы и час назад на- чал ждать. Четверо из вас и правда явились. Как наша встреча прошла, про это вы сами разузнаете. Мо- лодцы, дети, что не дали «срубить» яблоню. Видно, что теперь вы ста- нете защитниками сада. Правда, Лидия Петровна?

З А Н А В Е С

Перевёл с украинского Н. САДОВЫЙ

ЛЕТНЯЯ ПИОНЕРСКАЯ

Слова В. Костылёва

Музыка А. Черногорова

В темпе марша.

1. Хо-ро-шо, хо-ро-шо, ле-то снова к нам пришло, и в са-дах, и в полях, и в ле-сах всё расцве-ло. Будет ждать нас те-перь до сентяб-ря Отдох-нуем, друзья, на славу в пио-нерских лаг-ерях. Нам от-крыт родной про-стор от мо-рей до си-них гор, до синих гор.

Школьный класс

Припев.

1. Хо-ро-

от-крыт родной про-стор

от мо-рей до си-них гор, до синих гор.

1. Хорошо, хорошо, лето снова к нам пришло,
И в садах, и в полях, и в лесах всё расцвело.
Школьный класс будет ждать нас теперь до сентября.
Отдохнём, друзья, на славу в пионерских лагерях.

ПРИПЕВ:

Нам открыт родной простор, родной простор,
От морей — до синих гор, до синих гор.
И куда бы ни пошёл, ни пошёл, } 2 раза
Всюду, всюду летом хорошо.

2. Хорошо, хорошо на траве густой лежать
И на солнце, на солнце всё утро загорать,
А потом, а потом босиком к реке бежать,
Возле берега плескаться, быстро плавать и нырять.

ПРИПЕВ.

3. Хороша, хороша, хороша вокруг земля,
И сады, и леса, и широкие поля.
В пионерских лагерях лето славно проведём
И в родную школу нашу запах лета принесём.

ПРИПЕВ.

«ДЕМЬЯНОВА УХА»

НЕДАВНО у нас с Вовкой Апрельевым произошло разногласие. Из-за родительского дня. Я — против, он — за. Я — «нет», он — «да». Нашла коса на камень.

— Да если, — говорит, — ты хочешь знать, для меня в лагере родительский день, как день рождения: ходи себе именинником, а тут и гости, и подарочки, что хочешь.

Вот уж сравнил так сравнил: день-то рождения раз в году бывает, а эти каждую смену.

— А по мне, — твердит Вовка, — будь они хоть каждое воскресенье. Я не возражаю.

Но зато я возражаю. Рассудите сами... Был у нас в прошлом году родительский день. Готовились мы к нему, как к Первомайскому празднику: разучивали стихи, песни, акробатические номера, а я — танец. Только вы не подумайте, что я хорошо танцую. Не-е-ет! Стихи бы у меня куда лучше вышли. Но я нарочно решил их не читать.

Во-первых, они мне надоели в школе, во-вторых, я должен был чему-нибудь научиться по пионерским ступенькам, вот и выбрал матросское «яблочко». А это вам не какой-нибудь перепляс, — тут тон нужен, что-

бы морем пахло, чтобы под ногой палуба пела. Ох и намутился же я: то надо научиться держать руки за спиной, то ходить вразвалку, как морские волки ходят, то...

Одним словом, к субботе я так овладел матросской походкой, что вожатая даже спросила: «Тебя, Травкин, с какого корабля к нам списали?» Ребята наперебой расхваливали мои притопы. А Вовка посмотрел и присвистнул: «В тебе, говорит, пионерские ступеньки способности к балету раскрыли». Ну это он, конечно, перехватил! А вот к родительскому дню так я действительно подготовился на славу: пожалуйста, дорогие родители, приезжайте! Вас интересует, чем я занимался? Прошу, получите «яблочко»! А что? Как некоторые, что ли? Лето в лагере проживут, а на прощальный костёр выходят с «Демьяновой ухой», что в школе учили. Нет уж, с таким репертуаром, по-моему, и на сцену вылезать нечего.

...В то утро мама приехала рано. Я выбежал на зарядку, увидел её у забора и со всех ног бросился к ней.

— Ах, как ты похудел, ах, как ты изменился! — заговорила мама и быстро-быстро замигала.

Я знал, такое с нею бывало, когда она волновалась, и, чтобы успокоить её, стал говорить про концерт.

— Мама, — сказал я, — у нас для родителей...

Но в эту самую минуту мама сунула мне в рот земляничину,

такую крупную, что я мгновенно замолчал. Стою, жую и, совсем как немой, делаю руками разные знаки: у нас... для вас... в клубе... А когда прожевал и почти совсем собрался сказать слово «концерт», у меня во рту оказались целых две сливы. Промывав что-то непонятное, я побежал на зарядку.

Встретились мы только после завтрака около озера. Мама огляделась по сторонам, убедилась, что мы одни, и тут, словно по щучьему веленью, на траве раскинулась скатерть-самобранка? Чего только на ней не было! Я любил дома сладкие пирожки, которые сначала хрустели, потом рассыпались и неожиданно таяли на языке. Они были здесь. Я любил пирожное — оно лежало рядом с черешней и земляникой. А мама всё выкладывала и выкладывала — свежие огурцы, помидоры...

От удовольствия я даже зажмурился.

— А куда мы всё это денем? Ведь я только что завтракал.

— И-и-и не разговаривай... Ну что вы там ели?..

Я показал на пирог с капустой.

— А это? Это? Это вы ели?.. — На скатерти появлялись всё новые и новые свёртки: буженина, сёмга, котлеты.

Признаться, есть мне совсем не хотелось. Но то ли потому, что от гостинцев пахнуло родным домом, или оттого, что скатерть-самобранка потчевала в лесу, я взял бутерброд.

— Стой! — закричала мама. — Так дело не пойдёт!

Она схватила в одну руку огурец, в другую помидор и пошла в наступление.

Мы с ней одного роста или, как говорил папа, одной весовой категории. Но у мамы было одно важное преимущество — она наступала. Она шла на меня, как перворазрядный боксёр, без усталости угощая то помидором, который был в левой руке, то сочным и вкусным огурцом, зажатым в правую руку.

Я не успевал жевать. «Мама, мама!» — хотелось сказать мне, но «мама» уже было не сказать. Я стал отходить назад, упёрся спиной в какую-то сосну и поднял обе руки.

— Ага-а, сдаёшься! — торжественно протянула мама. И чтобы облегчить мою участь, разрешила глотнуть лимонада.

— Ах, как ты похудел, ах, как ты изменился! — приговаривала она и снова что-нибудь совала мне в рот.

— Ешь! Чтобы сейчас же..

И я ел. Ел любимые пирожки, запивал лимонадом, заедал земляникой и опять что-нибудь ел.

Когда скатерть-самобранка опустела, мама облегчённо вздохнула и, словно после тяжёлой и трудной работы, опустила усталые руки на колени.

— Ну, рассказывай...

В ответ я многозначительно показал на матросский воротничок. Но мама не была ни волшебницей, ни факиром и моего намёка не поняла, а попытаться не стала. В это время над лагерем протрубил горн: «Бери ложку, бери хлеб, — собирайся на обед!» Мама посмотрела на часы и, чуть наклонившись ко мне, шепнула:

— Сынок, уважь мамочку, сходи поешь горяченького...

...Из столовой, еле-еле передвигая ноги, я добрался до клуба и почти на четвереньках поднялся на сцену. Сейчас вот мне смешно. А тогда было не до смеха.

— Вовка, — говорю, — ты знаешь, я наверно сейчас помру, у меня что-то с животом.

Вовка поглядел на меня и перепугался:

— Иди скажи конференсье, чтобы тебя освободили от танца. Ты уже доплясался!

Легко сказать — «иди скажи»... Программу-то в этот раз вела Люба. А как я скажу: «Люба, у меня...»

— Нет уж, — говорю, — сказать такое девчонке, да у меня и язык не повернётся.

— А ты объяснись с ней на дипломатическом языке, — посоветовал Вовка. — Начни издавека, к примеру, скажи, что у тебя простуда, насморк...

Я немного похрипел, покашлял и сказал, как учил Вовка:

— Люба, а что если у тебя сейчас кто-нибудь из артистов заболел?

Люба удивлённо похлопала длинными ресницами и пожала плечами.

— Кашляй, кашляй! — дёргал за рукав Вовка.

Я попробовал кашлянуть, но тут сильно кольнуло в бок. От боли я заломил на затылок бумажную бескозырку и так повернулся на одной ноге, что Люба расхохоталась.

— Ну, репетируй, репетируй. Выходишь на сцену, — сказала она и пошла объявлять очередной номер.

Я в ужасе сел на ящик и, чтобы не чувствовать боли, сжал зубы.

Из-за занавеса послышался весёлый голос Любы:

— Следующим номером нашей программы — матросский танец. Исполняет пионер первого отряда Юра Травкин.

Все захлопали. Баянист привычно взял первые аккорды. А что оставалось делать мне? Я встал с ящика, заложил руки за спину и, изобразив на лице улыбку, вышел на сцену. «Ну, будь что будет», — решил я, сделал первый притоп и вдруг ноющая боль сдавила мне левый бок. Потом кольнуло в правый. Второй раз я уже притопнуть не мог. «Бежать!» — мелькнуло у меня в голове. Но бежать было уже поздно. В первом ряду я увидел маму. Она заметила, что со мной творится что-то неладное, и быстро-быстро заморгала глазами. И тут, чтобы успокоить её, на удивление самому себе, в такт матросского «яблочка», я почему-то начал читать:

Соседушка, мой свет!

Пожалуйста, покушай...

Вначале от неожиданности все оторопели, насторожились, притихли и через минуту залились дружным смехом. Зал хохотал, но мне было не до веселья. Я читал, пересиливая себя, морщился, кряхтел, изнывал. Но ребята уверяют, что «Демьянова уха» вышла на славу, что такого страдальческого лица, какое у меня было в этот раз, при изображении соседа — Фоки, они не видели даже у самого Игоря Ильинского.

Драка

Во дворе подрались кошки.
Поцарапались немножко.
Пушка — Мушку,
Мушка — Пушку,
Расшипелись друг на дружку.
Спины радугой-дугой,
Когти в бок одна другой!

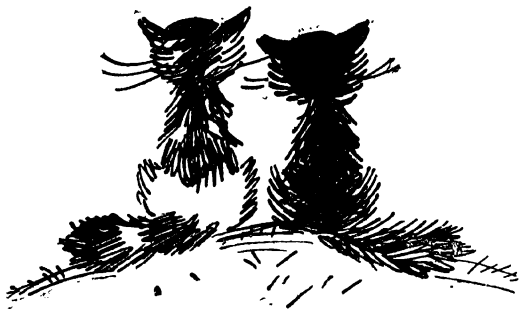
— Ой! — кричит с веранды
Света. —
Наша Мушка плачет где-то.
— Ай-я-яй! — кричит Наташа. —
Где-то Пушка плачет наша!
Света — слева, Ната — справа,
Ну, держись — идёт расправа!
Впредь не будут забияки
Затевать такие драки.

— Стой! — кричит подружке
Ната. —
Ваша Мушка виновата.
Ты моей не трогай кошки,
Убирайся прочь с дорожки!
— Нет, не наша! Я смотрела:
Ваша первой зашипела.
— Нет, не наша!
— Вот и ваша!

Тут пошла такая каша!..
Раскричались две подружки,
Тянут косы друг у дружки.
— Наша!
— Ваша!
— Ваша!
— Наша!
Свету — веником Наташа!
Та подружку в клумбу лбом, —
Только пыль стоит столбом!

...А над садом-палисадом
Пушка с Мушкой сели рядом.
То ль мурлычут,
То ль смеются..
А подружки, знай, дерутся.
Света — Нату!
Ната — Свету!
И конца у драки нету.
Ну, а мне кончать пора.
Извините, чур-чура...

Шахматная корона

ВОТ уже 75 лет идёт упорный, а подчас и жестокий бой за шахматную корону. Чтобы отстоять её, нужно освоить весь опыт предыдущих сражений, уметь самоотверженно вести атаки, быстро рассчитывать сложнейшие варианты и комбинации, спокойно строить каменные бастионы защиты. Если хотя бы одно из этих бойцовских качеств изменило обладателю короны — поражение неминуемо!

ЗАГАДКА ПАУЛЯ МОРФИ

28 СЕНТЯБРЯ 1858 года в парижском шахматном кафе «Режан» появился элегантно одетый молодой человек с красивым высоким лбом и иронической складкой в углах губ.

— Пауль Морфи, — отрекомендовался незнакомец, — хотел бы сразиться с сильнейшим.

И пояснил несколько озадаченным посетителям «Режана»:

— Я только что из Лондона. К сожалению, там я не сумел найти равных себе. Может быть, вы меня выручите?..

Один за другим сменялись противники Морфи, а результат не менялся: Пауль без всякого напряжения побеждал их.

— Нет, так не интересно, — встал, закончив очередную партию, Пауль. — Хотите я сыграю разом с несколькими шахматистами, причем вслепую, не глядя на доску.

Восемь сильнейших шахматистов кафе приняли вызов юноши. Три часа продолжалось невиданное ещё доселе сражение. Лишь только двум счастливицам удалось с трудом свести вничью свои партии, остальные были побеждены. Да как побеждены! Игра Морфи напоминала ураган, пронизанный вспышками молний. Удивлению и восхищению присутствующих не было границ. Шахматисты на руках вынесли из кафе своего кумира.

Впрочем, это было не последнее

выступление Морфи в Париже. В конце 1858 года он здесь же победил в матче сильнейшего шахматиста того времени Адольфа Андерсена и, по существу, стал некоронованным чемпионом мира.

Современники не могли объяснить, почему так легко и блистательно побеждал Пауль. Почти 30 лет потребовалось, чтобы разгадать эту «загадку».

БОГИ ШАХМАТНОГО ОЛИМПА

11 ЯНВАРЯ 1886 года в Нью-Йорке начался первый в истории матч за звание чемпиона мира. Волею судьбы сражение развернулось на столике, за которым когда-то играл гениальный Морфи. Два противника — две противоположности. Один, хрупкий, худой, с усталыми глазами и морщинистым лицом, — Иоганн Цукерторт. Для него в шахматах главное и единственное — комбинация. Другой рыжебородый крепыш Вильгельм Стейниц ищет в древней игре логики и гармонии. Цукертому кажется, что в его партиях витает дух Морфи. Однако так же думает о своей игре и Стейниц. Кто же из них прав?

Матч закончился победой Стейница с перевесом в пять партий. Впрочем, ожидать другого результата было трудно. И вот почему. Если для Цукерторта главным в творчестве Морфи была комбинация, то Стейниц увидел у Пауля нечто более важное и глубокое — огромное значение темпа, выбор правильного плана игры, умение подчинить все ходы одной цели. Стейниц не был противником комбинаций вообще, но считал, что она не самоцель партии.

Дальнейшая история борьбы за корону чемпиона мира убедительно доказала правоту Стейница. На шахматный Олимп всходили лишь сторонники нового направления. В 1894 году чемпионом стал двадцатилетний Эммануил Ласкер, а в

1921 году шахматный трон занял талантливый кубинец Хозе Рауль Капабланка. Гаванского гроссмейстера в шутку прозвали «шахматной машиной». И к этому были причины. Капабланка виртуозно разыгрывал простейшие позиции и особенно окончания партий. Он овладел искусством доводить минимальное преимущество до победы.

Ну, а те, кто подобно Цукерторту продолжал упрямо верить во все-силие лишь комбинационного стиля? Их было не мало, талантливых шахматистов. Франк Маршалл, Рудольф Шпильман, Жак Мизес, Давид Яновский... Но ни одному из них не оказалось места на шахматном Олимпе. Даже выдающемуся русскому шахматисту Михаилу Чигорину «романтические мечтания» помешали стать чемпионом мира.

Но что было не суждено свершить Чигорину, достиг другой гениальный русский шахматист Александр Алёхин. Он умел великолепно сочетать игру как в простых, так и в сложных позициях, как спокойную, так и бурно комбинационную. В 1927 году, выиграв матч у Капабланки, Алёхин стал четвёртым чемпионом мира.

Отличительной чертой замечательного мастера была его волевая собранность. Так, например, перед матчем с Капабланкой, чтобы чувствовать себя лучше физически, повысить свою спортивную форму, Алёхин бросил курить, хотя до этого считался заядлым курильщиком. И матч с кубинцем он играл так хорошо, как, может быть, никогда в жизни.

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ СТРАТЕГ

ЭТО произошло в 1938 году на гроссмейстерском турнире в Голландии. В 6-м туре встретились сильнейший игрок Соединенных Штатов Америки Сэмми Решевский и молодой чемпион СССР Михаил Ботвинник. Решевский в то время считался одним из крупнейших шахматных стратегов мира. Но, как показала партия, этим же оружием

еще лучше владел советский гроссмейстер.

Решевский готовил атаку на королевском фланге, Ботвинник — наступление в центре. Столкнулись два разных плана. Кто же глубже оценил позицию, кто прав в своем стратегическом замысле?

Оригинально маневрируя слонами, Ботвинник достиг преимущества. Но до победы ещё было далеко. Тогда, чтобы разрушить пешечное прикрытие короля противника, чемпион СССР жертвует ладьёю за коня. Ещё несколько ходов — и Решевский признал себя побеждённым.

Конкретный, глубокий и точный расчет, верная оценка позиции — вот что помогло Ботвиннику не только в этой партии, но и на пути к шахматной короне.

В 1948 году в Гааге и Москве проходил матч-турнир на звание чемпиона мира, который закончился победой Михаила Ботвинника. Впервые в истории на шахматный Олимп взошёл советский гроссмейстер.

Успех Ботвинника не был неожиданным или случайным. Более 30 раз побеждал он в различных турнирах. 9 раз чемпион СССР, первый призёр Ноттенгемского, Гроненгемского, II международного Московского и многих турниров — таков путь шахматиста, которого недаром называют главой советской шахматной школы.

Дважды отстаивал он своё звание в матчах с претендентами на шахматный престол: в 1951 году — с гроссмейстером Давидом Бронштейном, в 1954 году — с Василием Смысловым. И хотя в 1957 году Смыслову всё-таки удалось одержать победу, уже через год Ботвинник вернул себе шахматную корону.

РЫЦАРЬ ИЗ РИГИ

ПОЖАЛУИ, ни один шахматист так рано не мечтал сразиться за шахматный престол с Ботвинником, как двенадцатилетний Миша Таль.

Летом 1948 года чемпион мира отдыхал на Рижском взморье. Од-

нажды утром к нему на дачу пожаловал не совсем обычный гость.

— Простите, вы — Ботвинник? — спросил худенький черноволосый мальчик.

— Да, я! — строго посмотрел поверх очков «чемпион чемпионов».

— Тогда давайте сразимся! — предложил обладатель коротких штанишек.

И хотя в этот раз встрече Ботвинника и юного Талья не суждено было случиться, она всё-таки состоялась... спустя 12 лет.

Невиданный успех сопровождал юному рижанину на его пути к матчу за шахматную корону. С 1957 по 1960 год Таль сумел дважды стать чемпионом СССР, победить в международном Цюрихском турнире, межзональном и турнире претендентов на матч с Ботвинником.

И наконец — 1960 год. Матч Таль—Ботвинник. Течение и исход борьбы были неожиданностью для шахматных болельщиков. Уже после 21-й партии чемпионом мира стал Михаил Таль. Всего лишь две победы удалось одержать Ботвиннику в поединке с «рыцарем из Риги».

Да, именно рыцарем! Ведь главный девиз Талья: «Атака! Атака во что бы то ни стало!» Он охотно идёт на любые материальные жертвы для создания угроз королю противника. Спокойная игра — не его стихия. Вооружённый современной шахматной теорией, он, подобно старым мастерам Чигорину, Андерсену, Цукерторту, смело бросается в неизведанное. И вот к такой-то борьбе оказался не подготовленным Ботвинник. Правда, за ним оставалось право на матч-реванш.

Прошёл год...

«АХИЛЛЕСОВА ПЯТА» ТАЛЯ

НА что же потратили этот год противники?

По окончании первого матча Таль заявил:

— Я больше обращаю внимания на середину партии, чем на дебют...

Безусловно, такое высказывание Таль не прошло мимо Ботвинника.

Кроме того он подметил: его противник ~~всячески~~ избегает упрощенный и неуверенно разыгрывает простые позиции. Будучи тонким психологом, на эти-то обстоятельства и обратил своё внимание экс-чемпион.

А Таль? Как он готовился к новому матчу? Если раньше рыцарю из Риги дебютные проблемы были не страшны и для решения их ему не требовалось много времени, то во втором матче Таль часто в цейтноте. Вряд ли «помогло» рижанину и то, что сразу же после победы над Ботвинником он начал курить.

Итак, 15 марта 1961 года — матч-реванш.

Первая же партия — за Ботвинником. Правда, в следующей встрече Талю удалось одержать победу, но это оказался единственный на протяжении всего матча случай, когда счёт стал ничейным.

Ботвинник нащупал «ахиллесову пята» Талья — его неуверенность игры в спокойных позициях. И сразу нацелился туда своим копьём.

Он постоянно навязывал Талю размен фигур и особенно ферзей, «заманивал» его в свою стихию — эндшпиль.

А рижанин всё рвался и рвался в атаку... Порой для наступательного порыва Талья не было достаточного основания — но играть по-другому он не хотел, да и не мог.

И как это уже часто бывало в борьбе за шахматный престол — романтизм отступил перед более разносторонней, более глубокой манерой игры.

Уже к середине матча стало ясно, что Талю вряд ли удастся защитить свой титул. К 18-й партии счёт стал 11½:6½ в пользу Ботвинника. А двадцать первой партией матч был закончен.

И как всегда, шахматная корона увенчала сильнейшего!

А. ЛИВШИЦ,
кандидат в мастера спорта СССР
по шахматам

В. БУЗИНОВ

ПЁСТРЫЕ ЗАМЕТКИ

У ДИВИ-
ТЕЛЬ-
НЫЙ случай

произошёл этой зимой в районе Троицко-Печорска. Человек выпал из вертолѐта, пролетел 320 метров и остался жив, даже не получил ни единой царапины.

Вот как это произошло.

Геннадий Ощепков приехал на Север с Кубани, он радист. Стал оформляться на работу в Троицко-Печорском аэропорту. Но произошла какая-то заминка с документами. Начальник аэропорта предложил пока поработать мотористом на «МИ-4». Так Геннадий понал на вертолѐт.

В злополучном полѐте прошло семь минут. Стрелка высотомера показывала 320 метров. Внизу плыла зелёная тайга. Геннадий примостился на корточках у двери. В руках у него была погашая папироса. Он похлопал себя по карманам ватника, спички оказались с собой. Закурил.

— В вертолѐте курить не положено, — раздался за спиной чей-то голос.

Геннадий погасил окурок, оглянулся, куда бы его бросить. На пол? Неудобно.

Дальнейшее произошло мгновенно. Ощеп-

Случай над тайгой

ков помнит, как взялся за ручку двери... И вдруг навстречу кинулась земля. Страшная сила завертела его, словно пушинку.

Вот где пригодились те 17 прыжков с парашютом, которые совершил он за время службы в авиации! Геннадий сделал ногами «ножницы», а руками вцепился в полы тедогрейки. Встречный поток надул за спиной маленький парус, вращение прекратилось. Геннадий посмотрел вниз. На него стремительно надвигалась тайга. Сплошной лес. Только в сторонке видна небольшая полянка.

Геннадий врезался в снег ногами и потерял сознание...

Забывте продолжалось недолго. Открыв глаза, Геннадий увидел маленький кусочек голубого неба. Жив!.. Пошевелил одной ногой, потом другой — целы. Руки тоже послушно двигаются. Тело не чувствует боли. А раз так, нужно выбираться из этой норы.

Идти было невозможно. Рыхлый снег не выдерживал тяжести человека. Геннадий проваливался по грудь... Небо начало темнеть, когда, наконец, послышался шум винта. Вертолѐт... Это за мной! Сюда! Я здесь!..

И вот Ощепков снова в аэропорту. Велико же было удивление всех, когда из вертолѐта вышел совершенно невредимый Геннадий. Он собирался идти домой, но его усадили в первую попавшуюся машину и отвезли в Троицко-Печорскую больницу. Через три дня после тщательного осмотра и рентгена Геннадий вернулся домой. Он не жаловался на недомогание.

Вот и вся необычная история о самообладании и мужестве советского человека.

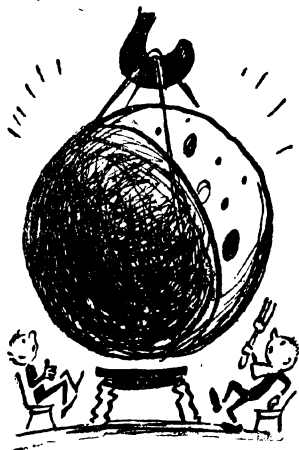
ПАМЯТНИК... СЫРУ

Мы уже писали в предыдущих номерах о памятниках, сооружённых... насекомым. Оказывается, в перечень уникальных памятников входит ещё один, совершенно необычный — памятник... сыру.

За последние годы в сыроварении достигнуты значительные успехи: десятки сортов сыра существуют ныне на свете, сыры отправляются на выставки.

И вот около 70 лет назад сыровары Перта (небольшого городка, расположенного в 60 милях юго-западнее Оттавы, США), готовясь к международной выставке в Чикаго, решили удивить мир, изготовив испанский сыр весом в 10 тысяч килограммов. В диаметре головка сыра имела более 9 метров.

Жители Перта очень гордятся тем, что в их городе была изготовлена самая крупная в мире головка сыра. В честь этого события они соорудили у себя памятник с изображением сыра-гиганта.

...что в Бразилии существует бабочка, обладающая шоколадным цветом и даже запахом шоколада?

...что осенью 1857 года в графстве Напа (Калифорния, США) на значительной территории выпал дождь... из леденцов? Когда утром жители узнали об этом, часть леденцов уже превратилась в лужицы сиропа, часть же сохранилась в отличном состоянии.

...что норвежский город Шиен — единственный в мире город, в гербе которого имеются лыжи?

...что в Индии в деревушке Малегаан Джанхир жил человек, который родился ещё в... XVIII веке, точнее в 1783 году? Его имя Али-шах. В этом году он скончался в возрасте 178 лет.

...что самый высокий водопад не Ниагара, как иногда думают, а «Ангела» — на притоке реки Нарони (Венесуэла)? Вода здесь падает с высоты 1010 метров.

...что звёздами мы называем гигантские газовые шары, находящиеся в раскалённом состоянии вследствие происходящих в них ядерных процессов? По температурам их недр и на поверхности, а также по светимости звёзды делятся на классы: голубые, белые, жёлтые, оранжевые и красные.

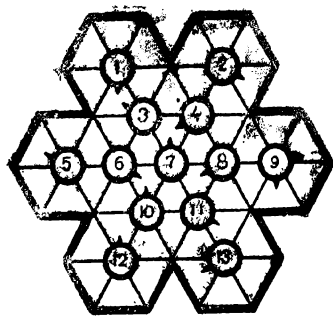
...что самый большой театр в мире — «Бланкита театр» построен в 1949 году в Гаване (Куба)? Зрительный зал этого театра вмещает 6500 человек.

...что самый ковкий металл — золото? Пластинку из чистого золота толщиной в 0,025 миллиметра можно расплющить в тончайший листок. Его толщина — 0,1 микрона. Из одного грамма золота можно вытянуть проволоку длиной в 2,7 километра.

...что на Мадагаскаре живёт птица воромпатра ростом почти как слон? Эта птица несёт такие большие яйца, что местные жители пользуются их скорлупой для хранения воды. Скорлупа вмещает до 9 литров воды.

КРОССВОРД

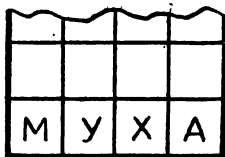
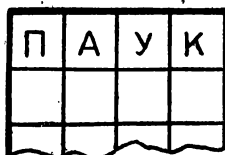
Слова этого кроссворда читаются по часовой стрелке, каждое вокруг соответствующей цифры. Первые буквы слов вписываются в треугольники, отмеченные стрелкой.

1. Игра в мяч, диаметр которого 1,8 метра. 2. Обширная область на северо-востоке нашей страны. 3. Большое объявление, вывешиваемое для всеобщего сведения. 4. Небольшое, специально оборудованное

для тех или иных целей, помещение. 5. Вещество, получаемое плавлением и химической обработкой кварцевого песка. 6. Снаряд для запуска искусственных спутников. 7. Часть фотоаппарата. 8. Привычка, способ что-то делать, характерный для кого-нибудь. 9. Периодическая печать. 10. Состязание гребных или парусных судов. 11. Известная опера Пуччини. 12. Судно специального назначения. 13. Произведение Бальзака.

ЛОГОГРИФ

Превратите слово «паук» в новое слово, изменив в нём одну какую-нибудь букву. Напишите его ниже. Теперь подумайте, как это второе слово превратить в третье, изменив в нём опять-таки только одну букву... Так, переходя от одного слова к другому, превратите «паука» в «муху».

Все вписываемые вами слова должны быть именами существительными (не собственными) в единственном числе. Менять порядок букв (переставлять буквы) нельзя, можно только изменять каждый раз одну из букв.

ТРИ ПОСЛОВИЦЫ

На двенадцати одинаковых лентах написали по восемь букв, а затем ленты переплели так, как указано на рисунке, в результате чего некоторые буквы закрылись...

Постарайтесь отгадать, какие буквы исчезли, если известно, что на горизонтальных лентах написана одна пословица, а на вертикальных — две.

А Р И Ф М О Г Р А М М А

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
28	29		30	31	32		33	34	35
	48	49	50	51	52	53		54	36
27			64	65	66	67		55	37
26	47	63	72	71	70	69	68	56	13
25	46	62		61	60	59	58	57	38
24		45	44	43	42	41		40	39
23	22		21	20	19	18	17		16

Определив значения шестнадцати ключевых слов, впишите их буквы в клетки фигуры соответственно номерам. Если вы правильно сделаете это, то по спирали, от края её к центру, можно будет прочесть замечательные слова великого русского писателя Л. Н. Толстого.

1) Советский писатель, автор «Уральских былей» — 12, 2, 35, 5,

58, 2) Река на западном склоне Среднего Урала, приток Чусовой — 7, 13, 68, 1, 11. 3) Страна света — 69, 9. 4) Рыболовная снасть — 4, 47, 64, 15, 49. 5) Вид спорта — 17, 23, 60, 65. 6) Пила с узким, длинным полотном — 33, 51, 3, 63, 6, 26, 61. 7) Приспособление для заточки инструмента — 28, 53, 54, 16, 14, 57. 8) Лесная птица с веерообразным хохолком и длинным изогнутым клювом — 18, 19, 37, 38. 9) Металлический стержень с нарезкой — 41, 27, 42, 21. 10) Великий испанский художник — 52, 29, 72, 40. 11) Великий немецкий поэт — 44, 20, 22, 59. 12) Река, впадающая в Азовское море — 10, 32, 46. 13) Река в Сибири — 39, 66, 62, 45. 14) Проезд, проложенный под землёй или прорубленный в горе — 31, 34, 36, 50, 55, 56, 25. 15) Пища — 71, 70, 43. 16) Футляр, крышка — 30, 8, 67, 48, 24.

Из немецких газет и журналов

СКОЛЬКО СТОИТ КАРАНДАШ?

Отец подарил Христине карандаш в нарядном футляре. Всё вместе стоило 11 марок, причем футляр стоил на 8 марок дороже, чем карандаш. Сколько стоил карандаш отдельно?

НЕЛЬЗЯ СДЕЛАТЬ..

Ганс сказал:

— Дядя Генрих, ты хороший столяр, сделай мне, пожалуйста, четырёхугольный ящик длиной в двадцать, шириной в пятнадцать, а высотой в десять сантиметров. В середине передней и задней стенок, равно как и обеих боковых, просверли по отверстию диаметром в один сантиметр.

— Нет, — ответил дядя Генрих, — такого ящичка сделать нельзя!

— Почему? — удивлённо спросил Ганс. — А впрочем, ты прав, — добавил он, хорошо подумав.

Почему же нельзя? Подумайте!

Проверь себя

(Ответы к «Искрию» № 5)

КРОССВОРД «БНИГИ»

По вертикали. 1. «Сон». 2. Носов. 3. Чехов. 4. Том. 5. Сервантес. 8. Стивенсон. 10. «Делибаш». 13. «Зоя». 14. Наб. 18. «Школа». 19. «Сосед». 22. Ода. 23. «Сын».

По горизонтали. 6. «Овод». 7. Немо. 9. Берн. 11. «Мать». 12. Полевой. 15. Вайс. 16. «Вий». 17. «Пакет». 20. Аксаков. 21. Дефо. 23. «Сиф». 24. Дель. 25. «Бесы».

СЛОВОЙ КРОССВОРД

Налево вниз. 1. Платформа. 5. Реалист. 6. Соната. 7. Машина. 10. Жанитан. 11. Бойница. 12. Какао. 15. Агадир.

Направо вниз. 2. Арена. 3. Гамаши. 4. Формалист. 8. Атака. 9. Набойка. 12. Катанга. 13. Пианист. 14. Ниобий.

РЕБУС «СЛОЖИ И ВЫЧТИ»

Мадагаскар.

СОДЕРЖАНИЕ

Ради жизни	1
Русский камень. Рассказ Л. Сёмина	2
Ленинградка. Очерк Б. Раевского	6
Цветёт сирень в Торковичах. Очерк Г. Князева	20
Творчество юных	26
«Слушаюсь, товарищ». Рассказ Н. Ходзы	28
Город щедрых людей. Очерк М. Бережнова	37
Болезньщики. Отчего и почему? Стихотворения В. Верхов- ского	44
За яблоками. Комедия в одном действии. Я. Сербина	45
Летняя пионерская. Музыка А. Черногорова на слова В. Ко- стылёва	50
«Демьянова уха». Рассказ А. Цветова	52
Драка. Стихотворение В. Сулова	56
Шахматная корона. А. Лившиц и В. Бузинов	57
Пестрые заметки	60
Клуб смекалистых ребят	62

На первой странице обложки рисунок Г. Ясинского.
«Экскурсия в лес».

На второй странице обложки фотоснимки Г. Сафонова к
очерку «Город щедрых людей». (См. 37-ю страницу.).

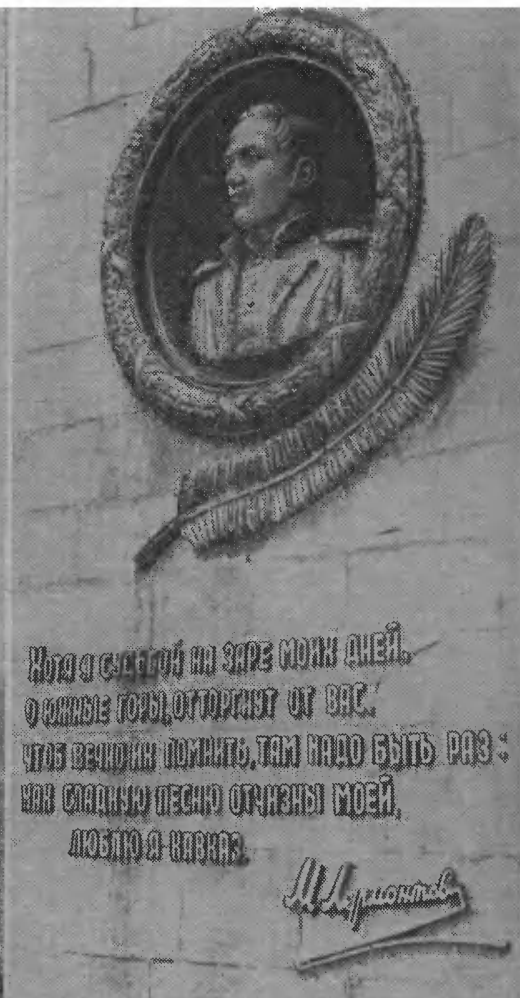
На третьей странице обложки фотоснимки Н. Карасёва
«Лермонтовские места».

На четвертой странице обложки рисунок художника К. Бек-
ташева «На свиноферме».

Редактор М. С. ЗЫКОВА

Адрес редакции: Ленинград, Центр. Фонтанка, 57, Тел. А-4-48-51.

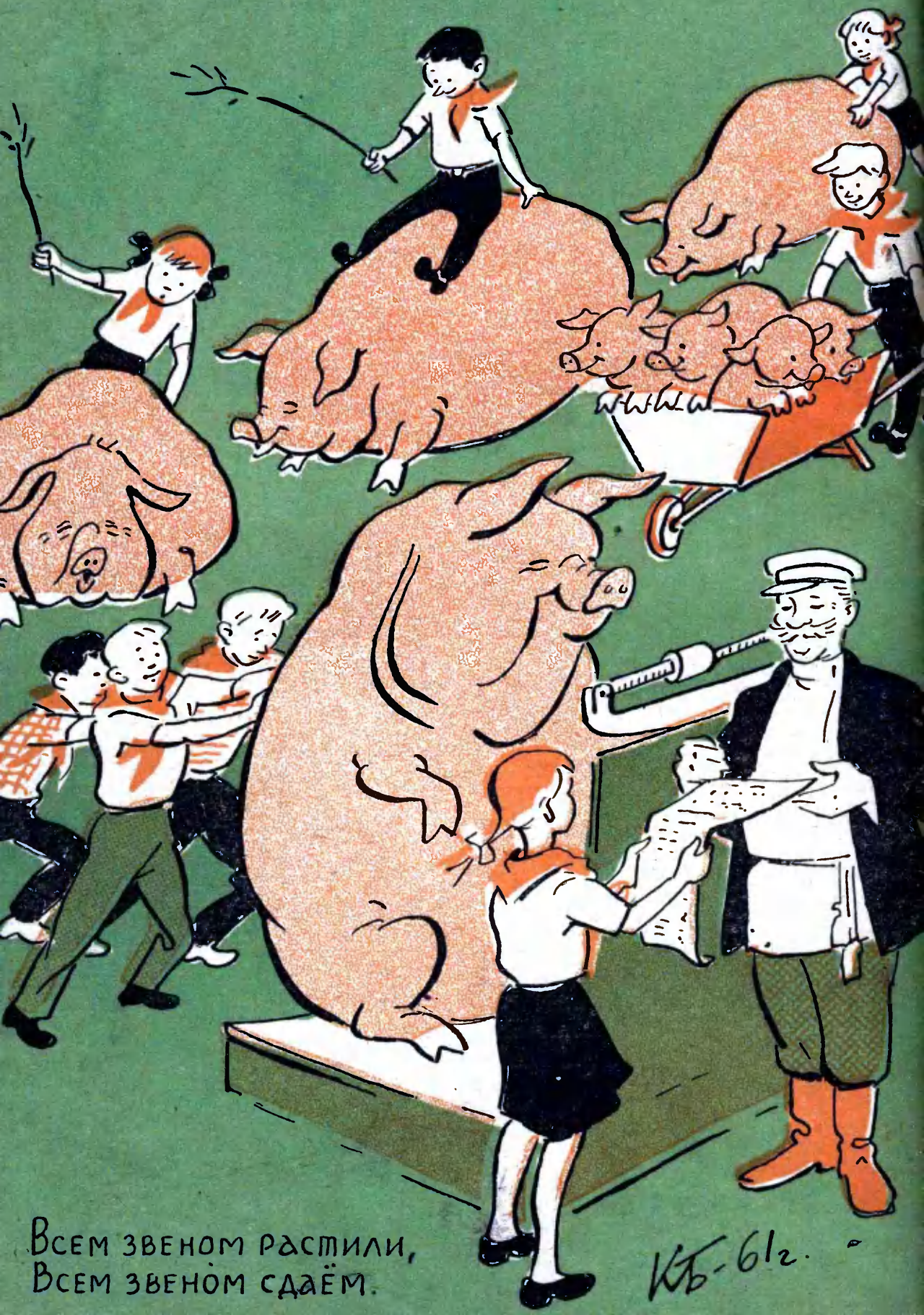
Сдано в набор 19/V. Подписано к печати 24/VI 1961 г. 4 печ. листа.
М-07324. Зак. № 790. Формат бумаги 70 × 108¹/₁₆. Цена 10 коп. Тираж 75 000
Типография им. Володарского Лениздата, Ленинград, Фонтанка, 57.

Л Е Р М О Н Т О В С К И Е М Е С Т А

(Текст на
25-й стр.).

Цена 10 коп

Всем звеном растили,
Всем звеном сдаём.

КБ-612.